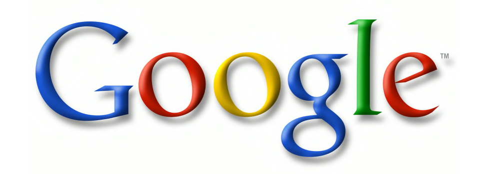

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

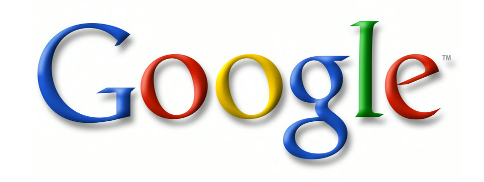
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, ириналлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD·VNIVERSITY·LIBRARY

За Христа и за Свободу

ПЯТЬДЕСЯТЪ

СТИХОТВОРЕНІЙ

ИЗЪ ВРЕМЕНИ

1876—1878 ГОДОВЪ.

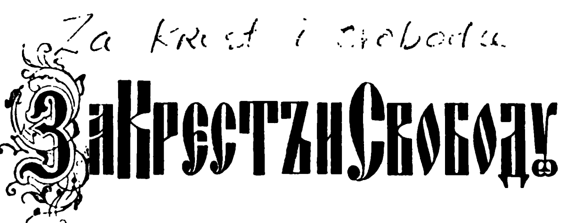
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. И. Попова, Поварской пер., домъ № 2.

1878.

ЗА КРЕСТЪ И СВОБОДУ.

Golovin, V.

За Крестъ и Свободу

ПЯТЬДЕСЯТЪ

СТИХОТВОРЕНІЙ

В. ГОЛОВИНА

ИЗЪ ВРЕМЕНИ

СЛАВЯНО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ

1876—1878 годовъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. П. Попова, Поварской пер., домъ № 2.

1878.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Намъ не слѣдъ искать у нѣмцевъ правды,
По святымъ у насъ, законамъ правда:
Принесли ту правду наши предки
Черезъ три рѣки на эту землю!“

(«Любушинъ Судъ» въ переводѣ Н. Берга) [1].

Да, не слѣдъ намъ искать правды у иноземцевъ! «Наша правда—по святому закону, издалека принесенному нашими дѣдами», сказали и порѣшили, еще въ началѣ VIII вѣка, многодумный чехъ Ратиборъ, чешскій народъ и славянская красавица, княжна Любуша, дочь чешскаго князя Крока, а потомъ—жена князя Премысла. Съ того времени прошло болѣе тысячелѣтія, но неславянская Европа не хочетъ понять нашей славянской правды, относясь къ ней съ завистью и недовѣріемъ, которыя въ концѣ концовъ могутъ быть притуплены только остріемъ меча. Желѣзомъ и кровью создалъ германское единство Бисмаркъ. Желѣзомъ-же и кровью создастся когда-нибудь и славянское единство! Такова логика исторіи, а эта логика неумолима. Въ извѣстныхъ случаяхъ война все еще остается роковою необходимостью, не смотря ни на какіе успѣхи современнаго человѣчества на пути мирнаго процвѣтанія. XIX вѣкъ въ небывалыхъ размѣрахъ усилилъ ужасы войны разными истребительными изобрѣтеніями по части инженернаго искусства, артиллеріи и... пиротехники, что-ли, а нѣсколько смягчилъ — только «сестрою милосердія». Слава же русской сестрѣ милосердія, много потрудившейся въ прошлую войну для облегченія страданій ближнихъ! Но, кажется, еще далеко благодатное время, когда она

[1]) Чешскій текстъ этихъ стиховъ желающіе могутъ найдти на оборотѣ слѣдующей за предисловіемъ страницы: „Сербо-Турецкая война“.

будетъ въ состояніи вполнѣ отдохнуть отъ праведныхъ и самоотверженныхъ трудовъ своихъ.

Россія была уже и тѣмъ полезна славянамъ, что она существовала, утверждали наши такъ называемые славянофилы школы Хомякова, Аксакова и Самарина. Кажется, для Россіи наступаетъ часъ доказать на дѣлѣ, что они были правы.

Говоря, «наступаетъ часъ», мы этимъ еще не хотимъ сказать, что онъ наступитъ немедленно. Онъ можетъ наступить и завтра, и черезъ годы. Найдутся, конечно, средства оттянуть и обождать, другими словами—продлить болѣзнь и отдалить кризисъ. Но нельзя же задерживать его надолго. Иначе извѣстное двустишіе Хомякова:

„На Лабу, Мораву, на дальнюю Саву,
На шумный и синій Дунай!"

сдѣлается уже не кликомъ свѣтлой надежды на племенное возсоединеніе славянъ (формы этого возсоединенія мы не касаемся), а готовою надгробною надписью на славянское могилище. Иначе мадьяры, нѣмцы и другіе народцы и народы задушатъ славянъ и сотрутъ ихъ съ лица земли, какъ когда-то на берегахъ Эльбы было задушено и уничтожено племя славянъ полабскихъ. Не ждать-же намъ въ самомъ дѣлѣ того времени, когда въ нѣмецкой Эльбѣ безслѣдно потонутъ и Молдава и Морава!

Не знаемъ, въ какомъ образѣ предстанетъ передъ нами близкая борьба за существованіе и цѣлость славянства, съ которыми тѣсно связаны могущество и политическое значеніе нашего отечества. Прійдетъ-ли она, «какъ тать въ ночи, или найдетъ насъ готовыми и бодрствующими», какъ евангельскій «женихъ по-полуночи?» Но мы знаемъ и увѣрены, что русскій народъ, на пути разрѣшенія своей исторической задачи, твердо встрѣтитъ всѣ случайности.

Однако, есть-ли у насъ средства для борьбы? На этотъ вопросъ сѣрый русскій мужикъ недавно прекрасно отвѣтилъ

въ письмѣ профессора Энгельгардта «Изъ деревни», напечатанномъ въ «Отечественныхъ Запискахъ». «Неужто-жь наша сила не возьметъ, когда на рукопашь пойдемъ?.. Какъ денегъ нѣтъ, зачѣмъ деньги? Не хватитъ денегъ, Царь еще велитъ надѣлать... Случись у нашего Царя неустойка, наборъ сдѣлаетъ, а то всѣ пойдемъ, коли прикажетъ! Только-бы ей (агличанкѣ) въ хвостъ хватить, да Костиполь взять!»

Какою самоувѣренностью и какимъ сознаніемъ силы звучатъ слова: «Деньги! Зачѣмъ деньги? Не хватитъ, Царь еще велитъ надѣлать!» И дѣйствительно, нашъ православный людъ думаетъ, что бумажныя деньги русскаго Царя, вождя болѣе чѣмъ осьмидесятимилліонаго, оскорбленнаго въ своемъ достоинствѣ, негодующаго и на все готоваго народа, стоятъ любаго золота. Во что Европа цѣнитъ всѣхъ насъ, нашу кровь и достояніе? Послѣ доблестей, выказанныхъ въ прошлую войну русскимъ воиномъ и русскою женщиною, мы, русскіе, на первый разъ не можемъ оцѣнить себя и Россіи дешевле, чѣмъ, по крайней мѣрѣ, во 100,000 милліоновъ, или 100 милліардовъ металлическихъ рублей [2]). Выходитъ, воевать

---

²) Кстати, думалъ-ли когда нибудь читатель, что такое милліардъ рублей или другихъ монетныхъ единицъ въ сравненіи съ милліардомъ извѣстныхъ единицъ времени, напр. минутъ? Что, напримѣръ, больше: число-ли милліардовъ минутъ, протекшихъ съ Рождества Христова до нашихъ дней, или 5 милліардовъ франковъ контрибуціи, уплаченныхъ Франціею Германіи? Въ одномъ нѣмецкомъ городѣ этотъ вопросъ недавно повелъ къ забавному закладу, при рѣшеніи котораго ариѳметикою оказалось, что съ Рождества Христова до нашего времени не прошло еще и одного милліарда минутъ (до милліарда недостаетъ болѣе 10 милліоновъ)! Значитъ, французы заплатили германцамъ *болѣе* 5 франковъ за каждую минуту существованія на землѣ своего племени со дня Рождества Христова. Мы, по условіямъ санъ-стефанскаго мира, должны получить съ турокъ слишкомъ десятью процентами болѣе; а въ случаѣ войны съ Англіею и Австріею мы, конечно, постараемся, если не деньгами такъ натурою, взять и еще бо́льшую контрибуцію.

есть на что. Попросимъ кредита и ссуды у Европы, а нѣтъ, такъ и потребуемъ съ самымъ добрымъ, впрочемъ, намѣреніемъ *начисто* расплатиться съ нею при первой возможности. Возможность-же безъ сомнѣнія представится при твердомъ сознаніи нами своей народной силы и при рѣшимости довести дѣло до конца. Еще посмотримъ, кто станетъ прежде платить по 1000 рублей за пару сапоговъ, мы или англичане? Да, впрочемъ, тутъ, кажется, и смотрѣть-то нечего, потому-что, въ случаѣ крайности, мы на время можемъ отказаться и отъ щегольскихъ сапоговъ, и отъ англійскаго сукна, и отъ другихъ заморскихъ товаровъ: ихъ замѣнятъ русскія лапти, валенки, сермяга, домашній холстъ и т. п. незатѣйливая обувь и одежда. А хлѣба на Руси хватитъ, какъ нибудь прокормимся. Sapienti sat!

Трогательное согласіе со взглядами нашего простаго народа на войну недавно обнаружилъ и лордъ Дерби, который въ одной изъ своихъ послѣднихъ парламентскихъ рѣчей высказалъ приблизительно слѣдующее: «Разорить-то Россію мы, пожалуй, и разоримъ, да только разоримъ и самихъ себя! Довести Россію до денежнаго банкротства можно, но этимъ еще нельзя положить конца войнѣ! Въ такой громадной странѣ, какова Россія, всегда найдутся двѣ необходимыя стихіи борьбы: *люди и съѣстные припасы*». [3]) То-то и есть!

Славяне средней Европы безъ сомнѣнія также постараются поднять курсъ нашихъ фондовъ, если сердечно увѣруютъ въ нашу любовь, искренность и твердость. А русскій народъ вполнѣ достоинъ такой вѣры!

Значитъ, вся сила въ чувствѣ искренней и теплой любви къ родинѣ, въ подъемѣ народнаго духа и взаимномъ довѣріи. Но кто-же рѣшится поклепать на Россію, что теперь въ ней уже невозможны люди 1612 и 1812-го годовъ? Недавнее прошлое не допускаетъ такихъ поклеповъ.

---

[3]) Подробности см. въ передовой статьѣ „Голоса", 1878, № 94-й.

Правда, своеобразный способъ веденія войны, измысленный, по словамъ профессора Энгельгардта, нашимъ простымъ людомъ, не вполнѣ согласенъ съ азбукою международнаго права и политической экономіи. Но это науки мирнаго времени: народы обыкновенно не справляются съ ними при разрѣшеніи своихъ историческихъ задачъ мечомъ. Да если хорошенько обсудить дѣло, такъ здѣсь нѣтъ противорѣчія и съ наукою. По мнѣнію народа, лучше и дешевле кончить разомъ, чѣмъ кончать по частямъ. Въ послѣднемъ случаѣ—убыточный вооруженный призракъ мира и вѣчная тревога, а въ первомъ—дѣйствительный миръ и дѣйствительное успокоеніе. Громкіе и страстные концерты великихъ народныхъ битвъ за историческія задачи обыкновенно сбиваются съ нотъ; но въ большинствѣ случаевъ они все-таки лучше многихъ утомительныхъ и безсодержательныхъ нотныхъ концертовъ.

При объединеніи Германіи за нею стояла Россія. При объединеніи славянъ, за нами по видимому будутъ только тундры архангельской губерніи да непроходимыя тайгѝ Сибири ...но бороться надо! Такова, повторяемъ, логика исторіи и таковы наши народные взгляды. Ихъ-то мы и старались нѣсколько прослѣдить въ предлагаемыхъ здѣсь стихотвореніяхъ.

Почти всѣ они были уже напечатаны въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, въ которыхъ, съ сентября 1876 года, они постоянно помѣщались вслѣдъ за тѣмъ или другимъ событіемъ изъ недавно пережитой нами и всѣмъ намъ памятной были. Эти стихи нашли гостепріимство на страницахъ: «Русскаго Обозрѣнія» (16 стихотвореній), «Иллюстрированной Газеты», «Собесѣдника», «Петербургской Газеты», «Вечерней» и «Утренней Почты», «Петербургскаго Листка» и литературныхъ прибавленій къ «Русскому Міру». Нѣкоторые были перепечатаны въ другихъ газетахъ, даже губернскихъ, и въ разныхъ славянскихъ сборникахъ, появившихся у насъ во время нынѣшней славяно-турецкой войны. Въ этомъ отно-

шеніи особенно посчастливилось стихамъ: «На лѣвомъ берегу Моравы», «Балканскимъ Славянамъ» и переведенной со шведскаго пѣснѣ про М. Д. Скобелева, которую мы между прочимъ встрѣтили, хотя и безъ обозначенія имени переводчика, въ 79 мъ выпускѣ издаваемой Германомъ Гоппе «Иллюстрированной Хроники Войны».

Все это даетъ автору настоящей книжки нѣкоторое основаніе предполагать, что онъ писалъ и думалъ не совсѣмъ въ разладъ съ глубокою думою народа, къ которому принадлежитъ по рожденію и по складу мысли. Въ связи съ нечаянностями и превратностями славной русской борьбы за освобожденіе соплеменниковъ, наши сердца бились то радостно, то тревожно. Перемѣнчивый вѣтеръ событій настраивалъ насъ то на «дуръ», то на «моль», какъ, въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, Оскаръ II, король Швеціи и Норвегіи, живописно выразился о морскомъ вѣтрѣ.

Внимательно слѣдивъ за ходомъ событій на главныхъ театрахъ войны, не убоявшись ни вещественныхъ, ни кровавыхъ жертвъ для разрѣшенія своей наслѣдственной задачи, нашъ народъ пытливо наблюдалъ въ то-же время за недругами и друзьями Россіи. Что̀ дѣлала Австрія, удивившая въ крымскую войну весь міръ своею неблагодарностью, что дѣлали англичане и ихъ коноводъ лордъ Биконсфильдъ со своими пресловутыми и вездѣсущими «британскими интересами», что̀ дѣлали охваченные славянскимъ кольцомъ христіане-мадьяры, дружащіе мусульманамъ-туркамъ, и что̀, наконецъ, творилъ «непогрѣшимый ватиканскій узникъ», заклятой врагъ православія и истиннаго христіанства,—все это вопросы, къ которымъ русскій народъ не могъ относиться и не относится равнодушно. Они, въ перемежку съ разными событіями войны, затронуты и въ нашихъ стихотвореніяхъ. Да какъ ихъ было и не затронуть!

Быстро вращался и еще вращается калейдоскопъ событій. Сербы, М. Г. Черняевъ, Алексинацъ, Дьюнишъ, конференція, русская мобилизація, переходъ черезъ Дунай, шипкин-

скій перевалъ въ «Долину Розъ», утомительное сидѣнье подъ Плевною, плѣнъ Османа-паши и его арміи, Россія у воротъ Константинополя, санъ-стефанскій миръ, наступившее затѣмъ зловѣщее затишье, угрозы Англіи, безконечные переговоры съ Австріей и т. д., — все это изо дня въ день безпрерывно и часто неожиданно смѣняло узоры калейдоскопа. Невольно писались: «Софты», «Отецъ и Сынъ», «Тройка» и пр. Шутилъ папа со своими гвардейцами, подносившими ему саблю: и эта сабля невольно возстановляла въ памяти подвиги папъ Александра VI, Льва X и т. д. до хитраго Сикста V, который изъ «монтальскаго свинопаса» превратился въ кардинала римской церкви, постоянно притворялся хворымъ и былъ выбранъ въ папы за свои немощи. «Святой отецъ, зачѣмъ вы прежде всегда ходили сгорбившись?» спросилъ у Сикста V кто-то изъ приближенныхъ. «Тогда я искалъ ключей св. Петра, а теперь нашелъ ихъ», отвѣчалъ, не задумавшись, 64-лѣтній папа. Но полно ключи-ли св. Петра нашелъ Сикстъ V? Не были-ли это какіе нибудь другіе ключи, давшіе впослѣдствіи Вольтеру матеріалъ для остроумной выходки: «пусть цѣлуютъ у папы ноги, но пусть свяжутъ ему руки!» Онѣ теперь связаны и, кажется, надежно!

Засѣдала знаменитая конференція, — и въ головѣ, какъ-бы въ противовѣсъ ея безплоднымъ совѣщаніямъ и многоглаголанію, возникала мысль о русской мірской сходкѣ и о «Бурлакахъ». «Сегодня» приходилось отказываться отъ того, во что вѣрилось еще вчера, а «завтра» приносило извѣстія, которыя шли въ разрѣзъ и съ тѣмъ, и съ другимъ. Въ примѣръ быстрой смѣны впечатлѣній приведемъ только одно обстоятельство. Англичанинъ, маркизъ Салисбэри, отправился въ дипломатическое путешествіе по Европѣ, и мы встрѣтили его стихами: «Путешествіе маркиза Садись-бери». Но маркизъ сталъ, по-видимому, выше узкихъ понятій своей національности, и мы считали нравственнымъ долгомъ оговорить это въ примѣчаніи къ названному стихотворенію [4]). Однако тотъ

[4]) Стр. 54-я.

же маркизъ Салисбэри, черезъ-чуръ откровенный преемникъ Дерби, заставляетъ насъ сожалѣть, что мы написали и уже напечатали свою оговорку.

Вообще, въ послѣдніе 3 года наши европейскіе доброжелатели преподнесли намъ столько сюрпризовъ, что къ нимъ вполнѣ можно примѣнить безсмертный стихъ Ювенала:

„Si natura negat, facit indignatio versus!“ [5]).

Впрочемъ, мы не нуждались въ особенно пылкомъ воображеніи. Наши стихи составляютъ не болѣе, какъ воспроизведеніе и сводъ газетныхъ корреспонденцій, въ свое время прочитанныхъ всею Россіею. Въ предлагаемомъ сборникѣ нѣтъ ни одного стихотворенія, которое не составляло-бы отзвука на тотъ или другой мотивъ нашей-же періодической печати.

«Не сотвори себѣ кумира и всякаго подобія», гласитъ вторая заповѣдь. «Не создавай себѣ полубоговъ и героевъ изъ живыхъ людей, потрудившихся на нашей кровавой нивѣ, но предоставь судить о ихъ подвигахъ потомству», авторитетно поучаютъ нѣкоторые наши корреспонденты и газеты.

Положимъ, что они справедливы и что доблестей современниковъ не слѣдуетъ прославлять, хотя-бы даже изъ боязни сказать лесть вмѣсто правды. Знаменитые «Разсказы Фенрика Столя», принадлежащіе перу покойнаго финляндскаго поэта, І. Л. Рунеберга, появились въ печати почти черезъ 40 лѣтъ послѣ описываемыхъ поэтомъ людей и событій. Но простительно желать вотъ чего: чтобы черезъ 40 или 50 лѣтъ послѣ войны у насъ накопилось и сохранилось достаточно матеріаловъ для увѣковѣченія памяти нынѣшнихъ народныхъ героевъ, отъ генерала до послѣдняго страстотерпца изъ рядовыхъ. Однако на это немного надежды, если судить по обычнымъ пріемамъ нашихъ корреспондентовъ съ театровъ военныхъ дѣйствій.

---

[5]) «Если природа и отказала въ поэтическомъ дарѣ, то его дастъ негодованіе!“

Правда, корреспонденты довольно подробно описываютъ генеральскіе подвиги, но о темныхъ бойцахъ обыкновенно выражаются такъ: «какой-то солдатъ (хотя «солдата», собственно говоря, теперь уже нѣтъ), «какой-то рядовой», «унтеръ-офицеръ» и т. п. Лѣнь корреспонденту справиться объ имени и занести его въ свою записную книжку, а стоило-бы! Во-первыхъ, это доказало-бы его вниманіе и уваженіе къ доблестямъ роднаго народа; во-вторыхъ, сохранило-бы для потомства дорогія имена нашихъ народныхъ богатырей и выразившіяся въ ихъ дѣлахъ черты народнаго характера, т. е. беззавѣтное мужество, выносливость, безграничную преданность долгу, незлобивость и всепрощающее христіанское милосердіе; въ-третьихъ же — значительно усилило-бы и самую достовѣрность корреспонденцій. Выдумывать подвиги было бы труднѣе, а провѣрять ихъ легче. Но къ мелочамъ въ родѣ именъ отличившихся ратниковъ бо́льшая часть нашихъ корреспондентовъ, къ сожалѣнію, относилась съ высоты своего величія.

Не будетъ удивительно, если при такомъ порядкѣ вещей, у насъ черезъ полустолѣтіе останется почти обезличенное воспоминаніе о подвигахъ нашихъ нынѣшнихъ бойцовъ «за крестъ и свободу». Въ «Разсказахъ Фенрика Столя» каждый послѣдній боецъ и дѣятель русско-шведской войны 1808—1809 гг. встаетъ, какъ живой, въ своемъ собственномъ образѣ, со своими привычками, убѣжденіями и дѣлами. Финляндскій поэтъ не забылъ даже и нашего Кульнева, очертивъ чрезвычайно симпатичными красками эту широкую русскую натуру, соединявшую въ себѣ всѣ лучшія свойства русскаго человѣка. Мы-же черезъ 40—50 лѣтъ, за малыми исключеніями, вѣроятно будемъ въ состояніи писать только общіе умозрительные трактаты о доблестяхъ, выказанныхъ теперь нашимъ народомъ, причемъ, въ видѣ оправдательныхъ статей, станемъ помѣщать въ выноскахъ: «кто-то о комъ-то въ такомъ-то году сообщалъ въ газетахъ» и т. п.

Впрочемъ и то сказать: мы народъ большой; мы всецѣло

заняты настоящимъ и будущимъ... гдѣ намъ чуть-ли не ежеминутно думать о своемъ прошломъ и спасать всѣ листки, которые вѣтеръ забвенія безъ устали вырываетъ изъ лѣтописи нашей жизни! Будетъ съ насъ и того, что останется!

Но слава, говорятъ, крылата, и едва-ли можно, по усмотрѣнію той или другой газеты, запереть ее въ темную и тѣсную клѣтку. Не удалось это съ нѣкоторыми русскими дѣятелями сербо-турецкой войны 1876 года, не удастся и съ истинными героями войны русско-турецкой. Укажемъ здѣсь только на М. Д. Скобелева. Въ своемъ мѣстѣ [6]) мы приводимъ разныя данныя о почетной извѣстности, которою его имя пользуется въ скандинавскихъ земляхъ. Теперь-же мы можемъ прибавить, что имя Скобелева залетѣло уже на океанъ, по сосѣдству съ Исландіею, и часто будетъ повторяться даже *подъ землею*. Новая газета Ферёскихъ острововъ «Dimmalätting» недавно сообщила, что, по открытіи на островѣ Сюдерё богатыхъ залежей каменнаго угля и по переходѣ ихъ въ собственность франко-скандинавскаго акціонернаго общества, тамъ устроены 3 большія каменоломни, окрещенныя названіями: «Скобелевъ», «Линкольнъ» и «Гамбетта». [7]) Пріятно быть въ такой троицѣ! Мы всегда думали, что при оцѣнкѣ дѣятельности современниковъ нѣкоторая щедрость лучше скряжничества и что греки и граждане вѣчнаго города, со своими лавровыми вѣнками и тріумфами, поступали справедливѣе нѣкоторыхъ русскихъ людей, нѣсколько обезцѣнивающихъ заслуги соотечественниковъ.

---

[6]) См. примѣчаніе къ переведенному со шведскаго стихотворенію: „М. Д. Скобелевъ" (XLVI, стр. 158).

[7]) Подробности о сюдерёскихъ каменно-угольныхъ копяхъ и объ открытіи тамъ новыхъ каменныхъ ломокъ можно, между прочимъ, найдти въ № 93-мъ финляндской газеты „Helsingfors Dagblad" за текущій годъ. — Датскій архипелахъ Ферё (между Шотландіею и Исландіею) былъ открытъ въ IX столѣтіи норвержцами и названъ такъ по имени единственныхъ обитателей, которыхъ они нашли на островахъ, о в е ц ъ (faar). Значитъ, острова Ферё въ переводѣ— „Овечьи острова". Ихъ до 35-ти, изъ которыхъ половина обитаема. Главный островъ—Стремё. Жителей на всѣхъ островахъ около 11 тысячъ.

Но никакіе газетные запреты не мѣшали намъ писать о нашихъ сербскихъ «застрѣльщикахъ», недавно уже не «прятавшихся въ кукурузу», какъ прежде сообщали о нихъ корреспонденты, и о доблестныхъ бойцахъ Черногоріи вмѣстѣ съ ихъ героемъ князем, который въ одной рукѣ держитъ мечъ, а въ другой—лиру перваго народнаго поэта родины. Никакіе софизмы и тонкости не препятствовали намъ знакомить соотечественниковъ со взглядами сосѣдей на нашу борьбу съ Турціею и съ ихъ правдивою оцѣнкою нашихъ народныхъ жертвъ и народной задачи. Вотъ почему въ предлагаемомъ сборникѣ помѣщены нѣкоторыя переводныя стихотворенія со шведскаго («Антихристъ», «М. Д. Скобелевъ», «Дипломатическая Игра»), а также и переводъ «Прощальной пѣсни финскому гвардейскому батальону». Выходитъ, что шведы и финны оказались радикальнѣе насъ въ обсужденіи вопроса о конечныхъ цѣляхъ нашей борьбы съ турками и больше вѣрятъ въ нашу силу, чѣмъ мы сами!

Великодушныя симпатіи народовъ, изъ которыхъ одинъ выразилъ намъ свое сочувствіе хвалебными гимнами въ честь богатырей Россіи, а другой, согражданинъ нашъ, въ теченіе года удѣлилъ отъ скудныхъ средствъ своихъ полумилліонъ рублей на облегченіе нуждъ нашихъ доблестныхъ воиновъ [8]), не должны остаться въ забвеніи, какъ не должны забыться и тѣ темные финскіе крестьяне, которые на масляной толпами осаждали нѣкоторые здѣшніе книжные магазины, требовавъ изображеній русскихъ героевъ войны, и пытливо расправшивали всѣхъ и каждаго объ условіяхъ нашего перемирія и мира съ турками [9]).

Въ своей хроникѣ мы не могли не коснуться и нѣкоторыхъ внутреннихъ вопросовъ: золота, уплывавшаго изъ Россіи почти наканунѣ мобилизаціи; самонадѣянности, охва-

---

[8]) См. стихотвореніе „Бурлаки", стр. 60, прим. 4-е.
[9]) См. опять примѣчаніе къ нашему переводному стихотворенію: „М. Д. Скобелевъ".

тившей русское общество послѣ нашей первой прошлогодней прогулки за Балканы; унынія, овладѣвшаго тѣмъ-же обществомъ вслѣдъ за неудачею подъ Плевною; русскихъ жидовъ-эксплоататоровъ, присущей всѣмъ намъ русской медлительности, высказавшейся между прочимъ въ поздней доставкѣ полушубковъ нашимъ балканскимъ героямъ, и такъ далѣе. Пусть эти герои и, преимущественно, доблестные моряки наши отнюдь не считаютъ для себя обидою нашихъ «Пѣсенъ Славы», всецѣло посвященныхъ памяти предковъ, которыхъ съ ихъ подвигами и дѣлами, облегчившими путь потомкамъ, мы нѣсколько забыли въ чаду неожиданныхъ временныхъ успѣховъ. Обиднѣе было-бы для нашихъ моряковъ, «сохраняющихъ», по словамъ Государя Императора, «прежнія преданія» [10]), если бы оправдалось предположеніе иноземцевъ, что нашему новому всесословному войску далеко до стараго! Впрочемъ, русскіе моряки всегда отличались могучею русскою удалью, русскою душой на распашку и искреннею скромностью, съ которою они относились къ собственнымъ подвигамъ.

За примѣрами ходить недалеко. 18-го марта въ Петербургѣ скончался одинъ изъ видныхъ защитниковъ Севастополя, капитанъ 1-го ранга Д. Е. Ханджогло, который, по словамъ «Голоса», при жизни не любилъ говорить о своихъ подвигахъ, считавъ ихъ *ничтожными* сравнительно съ подвигами товарищей [11]).

Почти буквально то-же писалъ въ 1855 году, по курьерской почтѣ, П. С. Нахимовъ одному только-что поступившему тогда въ здѣшній университетъ студенту, кото-

---

[10]) *Твои постоянно отличались, вездѣ были хороши! Слава Богу, что молодое поколѣніе сохраняетъ прежнія преданія и идетъ по нимъ!* Таковы высокоотрадныя для нашихъ моряковъ слова, недавно сказанныя Государемъ Императоромъ начальнику морскаго училища.

[11]) „Голосъ“, 1878, № 87 (некрологъ).

рый послалъ севастопольскому герою свое патріотическое (довольно слабое) стихотвореніе о синопской битвѣ.

Отвѣтъ, котораго студентъ вовсе даже и не ожидалъ, помѣченъ кануномъ памятнаго для Россіи дня, 18-мъ февраля 1855 года, и содержитъ въ себѣ слѣдующія строки незабвеннаго защитника твердынь Севастополя:

Милостивый Государь!

„Письмо и прекрасное произведеніе Ваше, которымъ Вы меня подарили, я получилъ 12-го февраля и спѣшу высказать Вамъ мою мысль при чтеніи того и другого. Синопская битва есть не болѣе, какъ прологъ великой драмы, которая разыгрывается въ настоящую минуту. Подвиги доблестныхъ моихъ сослуживцевъ въ Севастополѣ вселяютъ удивленіе даже въ насъ, привыкшихъ къ опасностямъ. Вотъ предметъ, достойный вдохновенія поэта; вотъ событіе, обильное въ эпизодахъ, не требующихъ ни одной лишней черты для украшенія, которыми Вы такъ щедро надѣлили насъ, участниковъ въ дѣлѣ подъ Синопомъ.

Откровенность — девизъ моряка, и потому, оканчивая эти строки, мнѣ остается прибавить, что, не умѣя оцѣнить должнымъ образомъ литературныхъ достоинствъ Вашего произведенія, я тѣмъ не менѣе считаю обязанностію выразить Вамъ глубокое уваженіе за патріотическія чувства, въ немъ выраженныя.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи, съ которымъ имѣю честь быть,

Милостивый Государь,

покорный слуга“

18-го февраля 1855 г.
Севастополь.

П. Нахимовъ.

Впрочемъ, Павелъ Степановичъ, если вѣрить современнымъ корреспонденціямъ, въ то же время довольно своеобразно отнесся къ присланному ему стихотворенію и оцѣнилъ его въ нѣсколько сотъ ведеръ капусты. Но онъ вѣроятно измѣнилъ-бы свою (и безъ того очень высокую) оцѣнку, если-бы могъ знать, что стихи были присланы ему молодымъ человѣкомъ, который тогда существовалъ на семь рублей ежемѣсячной университетской стипендіи и былъ не въ состояніи пожертвовать натурою даже ведра капусты! [12])

Обращаясь отъ частностей къ общему, мы спѣшимъ привѣтствовать тотъ духъ не праздности и не унынія, но терпѣнія, твердости и единства, которымъ, въ спокойномъ ожиданіи грядущихъ событій, воодушевленъ теперь весь русскій народъ.

«Конечно, много, очень много, страшно много должны мы совершить для исполненія предлежащихъ намъ задачъ. Для этого-то и необходимы намъ *теперь* примиреніе, соглашеніе, совокупный и неутомимый трудъ», восклицаетъ г. Кошелевъ въ одномъ изъ фельетоновъ «Голоса» [13]).

Теперь?.. Какое странное и грустное слово! Значитъ, было время, когда мы не нуждались въ примиреніи, соглашеніи, совокупномъ и неутомимомъ трудѣ?

Да, такое время было,—время отрицанія у насъ всякихъ идеаловъ и господства писаревскаго культа сапогамъ вмѣсто

[12]) См. статью профессора фонъ-Гюббенета: „Нѣсколько словъ о Нахимовѣ“ (Севастополь, 15 августа 1855 года), помѣщенную сперва въ „Морскомъ Сборникѣ“, а потомъ перепечатанную въ 208 № „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ за 1855 года (24 сентября, суббота). „Нахимовъ говорилъ“, сообщаетъ г. фонъ-Гюббенетъ, „что „ненавидитъ поэзію, но самъ имѣлъ самую поэтическую душу. Во „время осады одинъ поэтъ доставилъ къ синопскому герою хвалебное стихотвореніе. „Если этотъ господинъ хотѣлъ сдѣлать мнѣ „удовольствіе“, сказалъ при этомъ случаѣ Павелъ Степановичъ, „то ужь лучше-бы прислалъ *нѣсколько сотъ ведеръ капусты* для „моихъ матросовъ!“

[13]) „Голосъ“, 1878 г., № 64.

культа Шекспиру! Въ 1861 году, т. е. менѣе чѣмъ за годъ до празднованія тысячелѣтія Россіи, мы напечатали въ «Сѣверной Пчелѣ» стихотвореніе «Волны», относившееся къ нѣкоторымъ внутреннимъ вопросамъ, которые тогда занимали разные слои нашего общества [14]) Стихотвореніе оканчивалось обращенными къ волнамъ родного моря строками:

„Въ единствѣ, въ терпѣньи, въ любви ваша сила...
Спади-жь, расплеснись, перекатный нашъ валъ!"

Но море было слишкомъ бурно. Робкій призывъ нашъ къ «любви и единству» произвелъ такое впечатлѣніе, что редакція газеты не рѣшилась помѣстить въ ней второй половины стиховъ, которая была посвящена *славянскому* вопросу и которую мы тоже считали преждевременною въ виду нѣсколько ненормальнаго настроенія общества.

Позволяемъ себѣ, для большаго уясненія своей мысли, привести здѣсь окончаніе «Волнъ», написанное за 17 лѣтъ до настоящаго времени:

„Смотрите: несутся къ вамъ рѣки, потоки,
Ручьи по скаламъ пролагаютъ къ вамъ путь;
Дождитесь ихъ, бѣдныхъ,—они одиноки,
Примите славянъ на славянскую грудь!

О, слейте въ одно вы всѣ волны родныя,
Снесите въ одно всѣ живыя струи,
Чтобъ встрѣтить грядущіе дни золотые
Среди многоводной и цѣльной семьи!

Чтобъ всѣмъ намъ проснуться съ желанной денницей,
Когда Провидѣнье впередъ насъ пошлетъ,
За прежнія жертвы воздастъ намъ сторицей
И узниковъ-братьевъ спасать поведетъ!

Безъ злобы, лукавства и горькихъ укоровъ
Мы съ вѣрой на голосъ судьбы потечемъ:
Замолкнутъ невзгоды, не станетъ раздоровъ,
И миръ благодатный вселится кругомъ!

[14]) „Сѣверная Пчела", 1861, № 267 (23 ноября).

Не рокъ насъ направитъ,—Господня десница,
Не вѣтеръ разбудитъ,—божественный зовъ,
И выхлынетъ новаго міра царица
Изъ волнъ нашихъ свѣтлыхъ: святая любовь!

Возстанетъ она на валахъ бѣлопѣнныхъ,
Въ порфирѣ, съ вѣнцомъ свѣтозарнымъ своимъ,—
И море замретъ въ берегахъ вождѣлѣнныхъ,
И новое солнце заблещетъ надъ нимъ!"

Но въ 1866 году, послѣ многихъ славныхъ преобразованій, обновившихъ Россію въ нынѣшнее царствованіе, русское общество стало уже внимательнѣе къ стихамъ подобнаго рода. Это обстоятельство дало намъ возможность напечатать въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» вступительное стихотвореніе къ нашему переводу «Датскаго народнаго гимна», отчасти касающееся всей великой русской семьи, которая вмѣстѣ со своимъ Царемъ-Освободителемъ усердно трудилась тогда надъ обновленіемъ отечества:

„Любимый Царь—ея Отецъ,
Вѣнецъ добра—Его вѣнецъ;
А дѣти—весь народъ могучій,
Пособникъ мудраго Отца,
Несчетный, какъ песокъ зыбучій,
И непреклонный до конца!"

*

„Владыка сѣверныхъ равнинъ,
Востока солнца властелинъ,
Не довершилъ еще завѣта
Своихъ отцовъ, своей судьбы,—
И много силы, много свѣта
Въ грядущемъ нужно для борьбы!" [15])

Въ 1876 году, т. е. черезъ десятилѣтіе по написаніи приведенныхъ стиховъ, финляндскій поэтъ, докторъ философіи Габріель Лагусъ, въ своемъ привѣтственномъ стихотвореніи «Ихъ Императорскимъ Величествамъ» вырази-

[15]) „Московскія Вѣдомости", 1866, № 196 (20 сентября).

тельно назвалъ трудъ русскаго Царя служеніемъ верховнымъ и святымъ властямъ жизни:

„Однѣ онѣ, и лишь онѣ, конечно побѣждаютъ
И яркой утренней зарей изъ тьмы вѣковъ сіяютъ;
Онѣ народамъ духъ даютъ, высокій и прекрасный,
Онѣ на троны блескъ свой льютъ, свой блескъ нетлѣнно-ясный.“

„Хвала за каждый подвигъ, Царь, что Ты своей коронѣ
Стяжалъ, служа такимъ властямъ на ихъ верховномъ тронѣ!
Ихъ свѣтлый сонмъ Тебя хранитъ, на крыльяхъ ихъ державы
Изъ вѣка въ вѣкъ Ты воспаришь въ лучахъ побѣдной славы!“ [16])

Служеніе русскаго Царя и русскаго народа «святымъ властямъ жизни» недавно выразилось въ нашей побѣдоносной борьбѣ за освобожденіе соплеменниковъ. Свершилось желаніе покойнаго Тютчева, и слово «Царь-Освободитель» торжественно выступило за предѣлы Россіи.—Пусть-же грядущее 1866 года быстро переходитъ въ настоящее!.. Всѣ мы твердо вѣримъ, что въ случаѣ необходимости, ни русскій Царь, ни русскій народъ ни на минуту не усумнятся въ своей силѣ и не измѣнятъ своему свѣтлому служенію.

4 апрѣля 1878 г. В. Головинъ.

[16]) Изъ нашего перевода стихотворенія доктора Лагуса (см. „Русское Обозрѣніе“, 1876, № 12).

I.

СЕРБО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА.

1876.

I.

СЕРБО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА.

1876.

И кто-жь притупитъ сербскій мечъ, отточенный вѣками,
Кто сломитъ Черныхъ горъ хандж арь злодѣйскими руками?
Кто лисьи пѣсни станетъ пѣть намъ о позорномъ мирѣ,
Кто намъ посмѣетъ помѣшать на нашемъ бранномъ пирѣ?

—

Не ты-ли, римскій іерархъ, слѣпецъ непогрѣшимый,
Не ты-ль, британскій леопардъ съ пятою уязвимой,
Не ты ли, доблестнѣйшій лордъ, министръ башибузуковъ,
Радѣтель лютыхъ мусульманъ, на стыдъ и ужасъ внуковъ?

—

Иль, можетъ статься, вы намъ миръ предпишете, мадьяры,
Вы, ненавистники славянъ, австрійцевъ янычары?
Но вамъ, мадьяры, недосугъ, у васъ свои заботы...
Гдѣ грозно пушки говорятъ, тамъ плохо слышны ноты.

—

Встаетъ на сѣверѣ народъ могучій, соплеменный,
Нашъ вѣрный другъ, нашъ старшій братъ, оплотъ нашъ неизмѣнный:
Онъ жертву щедрую принесъ въ славянскую складчину,
Онъ далъ бойцовъ передовыхъ въ славянскую дружину.

—

Того, что съ сѣвера идетъ, злой турокъ не замучитъ;
Кого Господь соединилъ—Европа не разлучитъ.
Впередъ, впередъ!.. За нами Русь со всѣхъ концовъ воспрянетъ
И въ топоры за насъ пойдетъ, коль ружей недостанетъ!..

15-го августа 1876 г.

II.

ТРЕЗВОНЪ.

Динь-динь, донъ-донъ, лордъ Биконсфильдъ,
здорово-ль вамъ живется?
Сэръ Элліотъ, когда-жь, динь-динь, душа у васъ
проснется?
Донъ-донъ, динь-динь, лордъ Биконсфильдъ, пора
мѣнять султана,
Сэръ Элліотъ, опять пора стоять за честь Корана!

—

Лордъ Биконсфильдъ, динь-динь, донъ-донъ,
совсѣмъ изсохъ съ печали:
Кричитъ, что вы, сэръ Элліотъ, ему, динь-динь,
налгали.
Сэръ Элліотъ, донъ-донъ, донъ-донъ, у васъ
довольно-ль ножницъ?
Куда дѣвать, динь-динь, динь-динь, Мурадовыхъ
наложницъ?

—

Лордъ Биконсфильдъ, бѣгутъ друзья, бѣгутъ
башибузуки;
Прострите-жь къ нимъ, Веніаминъ, израильскія руки!

Сэръ Эллiотъ, динь-донъ, динь-донъ, бранить васъ
дома стали,
Зачѣмъ Евангелiя вы прилежнѣй не читали.

—

Пройдутъ года, и лордъ сойдетъ на лоно Авраама,
И тамъ-же будетъ сэръ блуждать и сѣмо, и овамо;
Опять воздвигнется тотъ храмъ, гдѣ былъ живьемъ
зажаренъ
На алтарѣ безкровныхъ жертвъ сѣдой старикъ
болгаринъ.

—

Нашъ православный крестъ опять заблещетъ на
Балканахъ,
И позабудетъ славянинъ о туркахъ и султанахъ;
Онъ съ тихой радостью пошлетъ привѣтъ родной
Россiи,
И загудятъ колокола со стѣнъ святой Софiи.

—

Но долго будетъ ихъ трезвонъ томить тоской
угрюмой,
И долго, долго будетъ онъ звучать могильной думой;
И долго будутъ вторить имъ повсюду наши братья:
«Лордъ Биконсфильдъ, сэръ Эллiотъ, проклятья
вамъ, проклятья!»

19 августа 1876.

III.

НА ЛѢВОМЪ БЕРЕГУ МОРАВЫ.

(Турецкій маршъ).

Трахъ-тахъ-тахъ, тарарахъ, щедръ и благъ къ
намъ Аллахъ!
Гдѣ былъ домъ—будетъ дымъ, гдѣ былъ смѣхъ—
будетъ стонъ;
Гдѣ былъ садъ—будетъ адъ, на Бѣлградъ, на
Бѣлградъ!
Дьяволъ пѣстунъ у насъ, опекунъ—Альбіонъ.

—

Не жалѣючи лей керосинъ, петролей:
Опекунъ подвезетъ, коль запасъ изойдетъ;
Опекунъ насъ нигдѣ не оставитъ въ нуждѣ...
Лей-же, лей, не жалѣй, благо въ долгъ онъ даетъ.

—

Бужимиръ, Суповацъ, Жидковацъ, Адровацъ,
Натворятъ въ васъ чудесъ лютый курдъ и черкесъ;
Понаставятъ коней на помо́сты церквей,
Въ головни обратятъ густолиственный лѣсъ.

—

Мусульмане, впередъ, кто насъ трусить—умреть!
Сами тигры, и тѣ позавидуютъ намъ:
Жги, коли и руби, все живое губи
И кровавой рѣкой раскатись по полямъ.

—

Никого не щадить, все безсильное бить:
И младенцевъ, и женъ, и больныхъ стариковъ!
Прежде кожу сдирай, послѣ тѣло сжигай
И позоръ дочерей на глазахъ ихъ отцовъ.

—

А застонутъ они, ты имъ жилы тяни;
Мучь, безглавь дочерей, рви куски изъ грудей,
Да и псамъ за порогъ,—дастъ намъ гурій Пророкъ!
Изъ живыхъ матерей вырѣзай ты дѣтей!..

—

Научилъ насъ Османъ бить собакъ-христіанъ:
Ихъ и жарь, и вари, и на клочья дери!
Только кожу щади: пригодится, гляди,—
Обтянуть барабанъ иль украсить коранъ.

—

Изъ кровавыхъ мѣшковъ сотни сербскихъ головъ
Внизъ, въ Мораву, летятъ, по утесамъ стучатъ
И одна за другой, трахъ-тахъ-тахъ тарарахъ,
Скачутъ точно мячи, изчезая въ волнахъ.

—

Попадется-жь московъ—пиръ на славу готовь!
Всю орду на совѣтъ, умудри, Магометъ,—
Какъ врага угостить, дольше мучить, томить!..
Пусть и Кемпбель придетъ, и гяуръ Эллiотъ!

—

Красный крестъ, говорятъ, уважать намъ велятъ,
И уважимъ его мы какъ слѣдъ, погоди!
Веселися, султанъ, нашъ кривой ятаганъ
Много красныхъ крестовъ насѣчетъ на груди.

—

О, британская спѣсь, ты не даромъ съ цѣпей
На сиротъ и на вдовъ напустила звѣрей;
Охъ, не въ добрый же часъ разнуздала ты насъ,
А теперь, наша мать,—не тебѣ насъ взнуздать.

26 августа 1876.

IV.

ХОРВАТОВИЧУ и ЧЕЛОКАНТИЧУ.

1.

Когда, въ бою изнемогая,
Шесть дней стоналъ Алексинацъ
И, на глазахъ роднаго края,
Пылалъ, какъ жертва, Княжевацъ,
Когда тамъ турокъ серба жарилъ,
Ты, Хорватовичь, не дремалъ:
Изчадьямъ ада въ тылъ ударилъ
И тьмы ихъ полчищъ разметалъ.

2.

Когда шли сербы къ Делиграду,
Пустивъ невѣрныхъ въ Суповацъ,
Когда ихъ бѣшеному стаду
Пришлось отдать и Адровацъ,—
Ты, Челокантичь, подъ Яворомъ
Усталыхъ братьевъ поддержалъ
И стойкимъ каменнымъ упоромъ
Разшибъ и снесъ турецкій валъ.

30 августа 1876.

V.

СОФТЫ.

Снарядивши кочерму,
Софты весело въ Крыму
Погуляли;
Шли за ними корабли,
Да поймать ихъ не могли,—
Прозѣвали.

—

Софты очень любятъ дамъ:
Жить въ Алуштѣ ихъ мужьямъ
Неудобно;
А татаринъ спорить сталъ,
Софтъ всадилъ въ него кинжалъ,
Безподобно!

—

Софтъ въ Одессѣ побывалъ
И деньженокъ пособралъ
На Мурада;
Сталъ мутить кой-гдѣ народъ,
Да сказали: «нѣтъ, не йдетъ!»
—Эхъ, досада!

—

Софтъ прокрался на Кавказъ
И надѣлалъ-бы проказъ,
Да прогнали;
А куда потомъ удралъ,
Какъ на Волгу вдругъ попалъ,—
Не видали.

—

И пріѣхалъ софтъ въ Казань:
Но въ Казани—дѣло дрянь,
Захватили;
Ну, и что-же? Ничего!
Съ благодушіемъ его
Отпустили.

—

Какъ, и только, безъ затѣй?
Накормили-бъ посытнѣй
На дорогу!
Яствъ въ Россіи—благодать,
Да и винъ не занимать,
Слава Богу.

—

Впрочемъ, время не уйдетъ,
Много софтовъ наплыветъ
Къ намъ питаться;
Софтскій папа ѣдетъ къ намъ:

Самъ шейхъ-уль... шейхъ-уль-исламъ
Сталъ сбираться.

—

«Надо съѣздить», говоритъ,
«Вѣжливъ съ нами московитъ,—
Пропускаетъ;
И съ любезностью такой
Насъ пожаловать домой
Приглашаетъ!»

—

Чудеса къ намъ шейхъ везетъ:
Магометовъ зубъ беретъ,
Часть халата;
Бороды Пророка клокъ
И жены его платокъ,—
Страховато!

—

Какъ-бы дива поглядѣть,
Хоть украдкой подсмотрѣть?
Очень просто:
Слышно, въ этомъ-же году
Шейхъ ихъ выставитъ въ саду
Герра Роста.

—

Будетъ вслухъ коранъ читать,
Львовъ и тигровъ поучать

Вѣрѣ правой;
Объисламитъ всѣхъ звѣрей:
Станетъ вчетверо лютѣй
Тигръ лукавый!

—

А поѣдетъ шейхъ отъ насъ,
Мы—обѣдъ ему сейчасъ
Богатѣйшій!
Ужь не въ Мекку-ль держишь путь?
Насъ и тамъ не позабудь,
Всечестнѣйшій!

—

Да скажи тамъ, что молъ вотъ
Есть незлобивый народъ,—
Московиты:
Турки грабятъ, турки бьютъ,
Турки рѣжутъ, турки жгутъ,—
Не сердиты!

—

Словятъ софта—и домой
Отвезутъ его съ казной
Безобидно;
Только косо поглядятъ,
Да порою проворчатъ:
«Какъ не стыдно!»

1 сентября 1876.

VI.

БАЛКАНСКИМЪ СЛАВЯНАМЪ.

Не за себя вы стонете въ цѣпяхъ,
Не за себя несете крестъ терпѣнья,
Не за себя, какъ жертвы искупленья,
Томитесь вы съ отчаяньемъ въ сердцахъ.

—

О нѣтъ, за то вы мучитесь вѣка,
Что славны ваши сѣверные братья,
Что всѣхъ васъ ждемъ мы въ братскія объятья,
Что наша Русь сильна и велика!

—

Европа вамъ Россіи не проститъ,
Она боится русскихъ и не любитъ:
За насъ, за насъ она васъ, братья, губитъ,
За насъ она вамъ, мученикамъ, мститъ!

—

Будь турки вы, она-бы васъ скорѣй,
Хоть кровопійцы-турки, пощадила;
Будь негры вы,—давно-бъ освободила
Она славянъ изъ рукъ ихъ палачей!

—

Но, братья, Богъ разсудитъ съ нею насъ!
Въ своей любви къ Россіи вы не кайтесь
И отъ родныхъ своихъ не отрекайтесь,
Какъ и они не отреклись отъ васъ.

—

Загладитъ грѣхъ свой русскій славянинъ!
Возстанетъ онъ—и дрогнетъ міръ отъ страха,
И васъ искупитъ шапка Мономаха
Тамъ, гдѣ царилъ великій Константинъ.

—

Теперь-же, братья, честь вамъ и любовь!
Мы въ бой за васъ шлемъ братскія дружины;
И, вѣрьте намъ, Моравскія долины
Не даромъ пьютъ и пили нашу кровь!

—

Насталъ второй двѣнадцатый нашъ годъ:
Убитъ Раевскій, раненъ Коновницынъ;
Пошелъ къ Балканамъ красный крестъ Царицынъ,
За нимъ и Русь идетъ ужѐ, идетъ!..

4 сентября 1876.

VII.

НА ОПОЯСАНІЕ СУЛТАНА ГАМИДА II МЕЧОМЪ.

(Торжественная ода).

Ступивъ на тронъ намѣстниковъ Пророка,
Ты вздрогнулъ вдругъ *):
Услышалъ стоны съ сѣвера, съ востока
И стонъ вокругъ.

Ты внизъ взглянулъ и видишь—подъ ногами
Повсюду кровь;
Впередъ взглянулъ—и встрѣтился съ тѣнями
Своихъ отцовъ,

Удавленныхъ, задушенныхъ, багровыхъ!..
Взглянулъ ты вбокъ:
Тамъ Элліотъ съ запасомъ ножницъ новыхъ,—
Угрюмъ и строгъ!

*) По нѣкоторымъ корреспонденціямъ, султанъ Гамидъ II задрожалъ всѣмъ тѣломъ, когда сталъ на первую ступень своего золотаго трона.

Ты съ ужасомъ, Гамидъ, свелъ съ сэра взоры,
Взглянулъ назадъ:
Тамъ высятся головъ и труповъ горы,—
Пожарищъ рядъ!

«Аллахъ!» шепнулъ ты блѣдными устами,
Абдулъ-Гамидъ,
И вверхъ шагнулъ: нѣтъ почвы подъ ногами,—
Земля дрожитъ!..

Султанъ, очнись отъ сновъ тревожной ночи,
Очисти слухъ;
Раскрой свои испуганныя очи,
Утѣшь свой духъ!

Не стоны слышишь: слышишь, какъ ликуетъ
Кругомъ народъ:
Онъ зорю новой власти торжествуетъ,
Калифа ждетъ.

Не кровь ты видишь, видишь ты пунцовый
Большой коверъ;
Не тѣнь стоитъ: шейхъ-уль-исламъ суровый
Глядитъ въ упоръ.

Не трупы видишь: свой низамъ голодный,
Улемовъ, муллъ;

Кричитъ голоднымъ ихъ паша дородный:
«На караулъ!»

Не Элліотъ зловѣщій угрожаетъ:
Османовъ мечъ
Тебѣ улемъ почетный предлагаетъ
Для грозныхъ сѣчъ.

О, препояшь-же ржавый мечъ Османа,
Бери смѣлѣй,
И бей и рѣжь, и жги ты, въ честь Корана,
Старухъ, дѣтей!

Вѣнчайся ты на евнухово царство,
На царство муллъ,—
На ложь и кровь, на лютость и коварство!..
«На караулъ!»

А что земля дрожитъ,—такъ это вѣрно:
Ужь пять вѣковъ
Сыны Ислама мучатъ безпримѣрно
Ея сыновъ!

Но блещетъ имъ заря святой свободы
Съ Балканскихъ горъ;
Текутъ на югъ славянскіе народы,
Шумитъ Босфоръ!

Шумитъ и будитъ царство Константина,
Все ближе гулъ...
Бѣги, султанъ, иль гнѣвная пучина
Зальетъ Стамбулъ!

6 сентября 1876.

VIII.

ОТЕЦЪ И СЫНЪ.

(Семейная бесѣда).

Сынъ.

Ваше святѣйшество, плохо приходится:
Бѣденъ я, сиръ, одинокъ;
Лорды покинули, денегъ не водится,
Весь керосинъ я изжегъ.

Отецъ.

Ваше величество, самъ я нуждаюся:
Очень король насолилъ;
Лептой апостольской скудно питаюся,—
Бисмаркъ меня подкузмилъ.

Сынъ.

Ваше святѣйшество, сербы зазналися:
Надо-бъ въ нихъ нефтью хватить!

Отецъ.

Сыне мой, сыне, зѣло не печалися:
Дамъ векселекъ, такъ и быть!

Сынъ.

Отче мой, вéкселя греки треклятые
Съ бланкомъ моимъ не берутъ;

Отецъ.

Ну, не они, такъ армяне носатые,—
Скинь имъ побольше,—учтутъ.

Сынъ.

Ждать и не двигаться—охъ, сокрушеніе!
Дай керосину, Аллахъ!

Отецъ.

«Взыщется милостью долготерпѣніе»,
Учитъ премудрый Сирахъ.

Сынъ.

Отче, опасно намъ медлить съ гяурами;
Вѣрь мнѣ, вѣдь самъ ты—гяуръ;
Нечего дѣлать, разстанусь я съ курами... *)

Оба.

Сбудемъ голубушекъ-куръ.

Сынъ.

Ваше святѣйшество, что-жь подкрѣпленія?
Черные рати не йдутъ.

Отецъ.

Ваше величество, малость терпѣнія,—
Скоро монашковъ сберутъ.

---

*) Извѣстно, что нынѣшній султанъ Гамидъ II—большой любитель всякой домашней птицы и разводилъ ее даже съ промышленною цѣлью.

Я францисканами, доминиканами
Думалъ тебѣ угодить;
Но...не поладишь ты съ ними, буянами:
Жирно ихъ надо кормить!
Ну, такъ я сытыми іезуитами
Лучше твой тронъ поддержу:
Станутъ они, если нужно, шіитами,
Но ужь поддержатъ, скажу!
Знаютъ искусство они инженерное, —
Мины, контрмины подвесть:
Хитрость змѣиная, рвенье примѣрное!..
Память Игнатью и честь!
Въ Боснію вышли ряды ихъ передніе—
Дерзкую ересь карать,
Жечь православные храмы сосѣдніе,
Всѣхъ православныхъ канать.
Воли вы ищете, райи-раскольники?
Ваша-ли жизнь вамъ не въ сласть!
Я васъ, безбожники! Ахъ, вы, крамольники:
Гнать предержащую власть!

Сынъ.

Отче, прислалъ бы ты мнѣ инквизицію,
Всѣ принадлежности тожь.

Отецъ.

Нѣтъ, мой возлюбленный, ныньче въ полицію
Съ этимъ добромъ попадешь!..

Дни наступили молочно-медовые,
Агнцами, видишь, живемъ!

Сынъ.

Гдѣ твои, отче, походы крестовые?

Оба.

Вмѣстѣ на крестъ мы идемъ!

Сынъ.

Отче, мерещатся грёзы ужасныя!
Снилось мнѣ: рѣжу я куръ,
Въ море кидаю головки ихъ красныя...
Что ни головка—гяуръ!
Были тамъ разныя: женскія, дѣтскія,
Сербовъ, болгаръ, босняка;
Были тамъ русскія, даже турецкія,—
Знать, расходилась рука!
Были старухи сѣдыя и хилыя...
Вздрогнулъ я, отче, во снѣ:
Пусть ихъ, но куры-то, куры-то милыя,
Чѣмъ провинились онѣ?

Отецъ.

Сынъ, успокойся!.. То призраки разные,
Духи кромѣшные зла;
Сгинутъ, разсѣются сны твои праздные.

Сынъ.

Совѣсть глодать начала!

Отецъ.

Самъ я не лучшія вижу видѣнія:
Кровью Балканъ весь залитъ,
Тонутъ въ ней туфли мои... въ довершеніе—
Петръ мнѣ ключами грозитъ!
Совѣсть!.. Подпишемъ скорѣе конвенцію,—
Всѣ я грѣхи отпущу;
Вышлю большую тебѣ индульгенцію,
Все разрѣшу и прощу!

Сынъ.

Слава всещедрой апостольской куріи,
Миръ намъ, любовь и совѣтъ!
Ждутъ тебя, отче, Пророковы гуріи,
Ждетъ тебя самъ Магометъ!
Брата Мурада беру во свидѣтели,
Какъ тебя, отче, люблю...

Отецъ.

Сынъ, за всю кротость твою, добродѣтели,
Я тебѣ розу пришлю:
Розу, моею рукой освященную,
Всю въ золотыхъ лепесткахъ!..
Нѣтъ, извини меня,—лишь позлащенную,
Оба сидимъ на бобахъ!

Впрочемъ, не въ золотѣ дѣло,—въ спасеніи;
Даръ мой съ собою носи:
Счастье даетъ онъ... спроси у Евгеніи
Иль Изабеллу спроси?

7 сентября 1876.

IX.

ИТАЛЬЯНСКОМУ НАРОДУ.

Когда витіи Ватикана
Твой умъ старались помрачить
И въ сѣти лживаго Корана
Тебя пытались уловить,

Возсталъ ты, гордый, благородный,
Ты возмутился, какъ потокъ,
И судъ свой праведный, свободный,
Надъ падшей куріей изрёкъ.

Ты отшатнулся съ омерзеньемъ
Отъ богохульниковъ своихъ,
И отвѣчалъ ты имъ презрѣньемъ,
И заклеймилъ навѣки ихъ!

Свой день, зари своей сіянье
Ты добрымъ дѣломъ освятилъ:
Слезой любви и состраданья
Славянскихъ братьевъ ободрилъ.

Ты сердцемъ понялъ всѣ ихъ муки,—
Страдалъ и мучился ты самъ:

Простеръ окрѣпнувшія руки
Ты къ истомленнымъ ихъ рукамъ.

Ты укрѣпилъ ихъ упованье,
Ты имъ сыновъ своихъ послалъ
И—христіанское лобзанье,
А не Іудино, имъ далъ!

Цвѣти-жь до старости маститой,
Чело высоко возноси
И будь счастливъ ты съ Маргаритой,
Недавней гостьей на Руси!

Принцесса насъ понять умѣла,
Прозрѣнья женскаго полна,
И что Европа проглядѣла,
То доглядѣла здѣсь она.

Она не даромъ приложилась
Къ святынямъ нашимъ вѣковымъ,
Не даромъ съ вѣрой преклонилась
Предъ нашимъ Сергіемъ святымъ...

Свѣтильникъ истины Христовой—
Одинъ для всѣхъ насъ, христіанъ;
И не задушитъ жизни новой
Ни римскій папа, ни султанъ!

8 сентября 1876.

X.

STATUS QUO ANTE BELLUM.

(Славянскій романсъ, посвящаемый западнымъ дипломатамъ).

«Status quo» вы намъ какую-то сулите:
Что за барышня такая, покажите!
Ба, знакомая! Давно ее мы знаемъ...
Благодарствуемъ,—старушки не желаемъ.
Эта «Quo», «Status quo»,
Намъ не нравится;
Намъ отъ ней ничего
Не прибавится.

Впрочемъ можно-бы поладить намъ и съ нею,
Если-бъ сдѣлали вы эту Дульцинею,
Какъ до Лазаря, могучей и прекрасной,
Какъ до Коссова, сіяющей и ясной!
Все-жь не слѣдъ ее брать
Безъ приданаго:
Надо домъ поправлять,
Строить заново.

Много золота намъ нужно для Милана,
Чтобъ вѣнчать его короною Стефана;

И болгарскую справляемъ понемногу,
А кому?... Пока извѣстно только Богу.
Эта «Quo», «Status quo»—
Подходящая!
Съ нею жизнь—ничего,
Не пропащая!

Но по старому хотите, будьте-жь милы:
Разметите наши свѣжія могилы;
Пусть Кирѣевы, Раевскіе проснутся,
Пусть всѣ падшіе за родину вернутся!..
Пусть бойцы изъ гробовъ
Поднимаются,
Подъ родимый свой кровъ
Возвращаются!

Пусть осушатся вдовицъ несчастныхъ слёзы,
Пусть распустятся зимою въ полѣ розы,
И надъ выжженной долиною Моравы
Зашумятъ, какъ встарь, зеленыя дубравы!...
Эхъ, друзья, для кого
Вы стараетесь,
За беззубую «Quo»
Распинаетесь?

23 сентября 1876.

XI.

ИЗЪ МОГИЛЪ.

Изъ свѣжихъ могилищъ Моравы,
Чуть з̀а полночь время зайдетъ,
Встаютъ сонаслѣдники славы,
Славянское войско встаетъ.

Тогда-же, съ урочищъ Дуная
До самыхъ стамбульскихъ воротъ,
Встаетъ, весь въ цѣпяхъ и рыдая,
Несчастный болгарскій народъ.

Трубятъ трубачи на молитву,
За крестъ и свободу зовутъ
Въ послѣднюю страшную битву, —
И тѣни, нахмурившись, ждутъ!..

*
* *

И вѣтѐръ призывный ихъ голосъ
Далеко на сѣверъ несетъ;
А тамъ, что за колосомъ колосъ,
За ратникомъ ратникъ встаетъ:

Съ Кагула, съ высотъ Измаила,
Съ очаковскихъ стѣнъ, съ Рущука,—
Повсюду, гдѣ русская сила
Костями ложилась вѣка!

Встаютъ запорожцы сѣдые,
Петровскія рати встаютъ,
И гордо дружины густыя
Румянцевскихъ армій текутъ.

Невѣрныхъ рукою могучей
Великій Суворовъ разитъ,
На нихъ громоносною тучей
Отважный Каменскій *) спѣшитъ.

Встаютъ молодцы Николая:
Ихъ снова Паскевичъ ведетъ;
И, долгій свой сонъ отсыпая,
Родной Севастополь встаетъ.

---

*) Графъ Николай Михайловичъ Каменскій, герой послѣдней русско-шведской войны 1809 года, гроза турокъ и ихъ побѣдитель при Батинѣ. Этотъ тридцатитрехлѣтній вождь русскихъ армій былъ, по слухамъ, отравленъ въ Бухарештѣ чашкою чая, поданною ему, въ 1810 году, рукою французской красавицы, жены тогдашняго французскаго консула въ Валахіи. Такъ, говорятъ, угодно было Наполеону I, уже замышлявшему походъ на Россію.

Трубятъ трубачи на молитву,
За крестъ и свободу зовутъ
Въ послѣднюю страшную битву, —
Построились рати и ждутъ!..

*
* *

Бойцовъ просвѣтлённыя очи
Упорно на сѣверъ глядятъ,
И взоры ихъ, въ сумракѣ ночи,
Къ Петрополю съ вѣрой летятъ.

А тамъ, какъ предтеча денницы,
Подъ говоръ смиренныхъ имъ водъ,
Изъ мраморной бѣлой гробницы
Самъ Петръ, исполинъ нашъ, встаетъ:

Молчитъ, взоры блещутъ зарницей,
Впередъ величаво глядитъ
И мощной желѣзной десницей
Лукавой Европѣ грозитъ.

Трубятъ трубачи на молитву,
За крестъ и свободу зовутъ
Въ послѣднюю страшную битву,—
И тѣни отмщенія ждутъ!..

*
* *

О милыя, ждать вамъ недолго,
Рѣшительный часъ настаетъ:
Иль вспять потечетъ наша Волга,
Иль вольно Дунай потечетъ!

Исполнится жребій нашъ славный,
Насъ скоро увидитъ Стамбулъ...
Туда-же и всадникъ державный
Коня со скалы повернулъ.

30 сентября 1876.

XII.

Рѣки.

Толковала съ Камой Волга:
«Эка тишь кругомъ да гладь!
Что-то долго, что-то долго
Намъ о дѣткахъ не слыхать?

Ихъ усердно шлемъ мы, Кама,
Въ бой на лютыхъ мусульманъ;
Ѣдутъ дѣтки, мчатся прямо—
На Мораву и Балканъ.

И не я одна съ тобою:
Донъ Иванычъ мнѣ писалъ,
Что съ казацкою гурьбою
Онъ и спорить пересталъ.

Чернобровы, смуглолицы,
Дѣти Дона внизъ спѣшатъ;
Цѣликомъ его станицы
За Бѣлградъ стремглавъ летятъ.

Тѣ-же вѣсти и съ Урала:
  Слышно, крѣпко осерчалъ,
И бойцовъ своихъ немало
  Выслалъ въ Сербію Уралъ.

Только вотъ что: чуть простились
  Дѣтки съ матерью своей,—
Какъ сквозь землю провалились:
  Нѣтъ ни писемъ, ни вѣстей.

Ладно-ль тамъ, и что̀ творится,
  Токаревъ тамъ что творитъ,
Скоро-ль дѣло порѣшится
  И на чемъ оно стоитъ?—

Ничего въ волнахъ невидно...
  Тѣшатъ розсказнями слухъ;
Даже, доченька, обидно,—
  Всѣ забыли насъ, старухъ.»

Отвѣчала Волгѣ Кама:
  Мать-великая рѣка,
Что-жь Ока молчитъ упрямо?
  Знать должна-жь кой-что Ока.

Ей сподручнѣй на просторѣ,
  Ближе слушать сказъ мірской...

Унеси-жь ты наше горе,
  Быстра рѣченька, съ собой!»

Но Ока угрюмо блещетъ,
  Рѣчь ведетъ съ рѣкой Москвой
И въ нее пытливо плещетъ
  Бѣлопѣнною волной.

Поднялась Москва бурливо,
  Рветъ поромы и мостки
И, шумя нетерпѣливо,
  Затопляетъ Лужники. *)

«Хоть ношу вѣнецъ царицы,
  Но давно я не при чемъ;
У Невы, у молодицы,
  Вы спросите обо всемъ!»

Холодна и величава,
  Межъ зеленыхъ острововъ
Распустила хвостъ, какъ пава,
  Изъ гранитныхъ береговъ

Руси новая царица!
  Много знаетъ, но молчитъ:

*) Низменная мѣстность на берегу Москвы рѣки, между Новодѣвичьимъ полемъ и Воробьевыми горами.

Словно красная дѣвица,
  Внизъ, потупившись, глядитъ.

—Гдѣ бесѣдовать ей съ нами!
  Волны въ Балтику несетъ,
Все съ заморскими рѣками
  Позаморски рѣчь ведетъ...»

«Такъ спрошу-жъ я Волховъ мутный:
  Онъ сосѣдъ ей съ давнихъ поръ;
Можетъ быть, онъ вѣстью путной
  И порадуетъ сестеръ.

Говори-же все сначала,—
  Въ помощь Свирь тебѣ со Мстой!
Что Нева тебѣ сказала,
  Что такъ мутенъ ты, родной?»

Всколыхнулся Волховъ славный
  И, ударивъ валомъ въ валъ,
Такъ сестрѣ своей державной
  Онъ съ поклономъ отвѣчалъ:

«Погоди, ужо умоюсь!
  Страхъ, какъ съ Рюрика тружусь;
День и ночь въ пескѣ я роюсь,
  А до сути не добьюсь!

«Сербы», «чехи», «сѣверяне»,—
  Слышу я издалека;
А славяне, гдѣ-жь славяне?
  Я—славянская рѣка!

Я взялъ крѣпкій городъ Кія,
  Я смирилъ древлянъ, полянъ;
Отъ меня пошла Россія,
  Я—сбиратель всѣхъ славянъ!

И тружусь, сестра, сбираю:
  Русло Днѣпръ перемѣнилъ;
Я-жь все рою, дорываю,—
  Просто выбился изъ силъ!

«Кто на Новгородъ и Бога!»
  Помнишь кличъ мой боевой?
Для славянъ работалъ много
  Я съ Великой и Псковой...

Ну, за то-же и прославленъ!
  На Дѣтинецъ погляди:
Тамъ мнѣ памятникъ поставленъ
  На Софійской площади».

— Братъ, не хвастай, прытокъ больно:
  Всѣмъ намъ памятникъ стоитъ;

Потрудились всѣ довольно...
Что Нева-то говоритъ?

«Да, о ней ты знать желала?
Зорко я и самъ гляжу
За Невой, но вижу мало;
Что-жь примѣтилъ, разскажу.

Много дѣлъ у дипломатки:
Сотни грамотокъ строчитъ
И заморскихъ рѣкъ загадки
Разгадать она спѣшитъ.

Лишь проникнетъ въ смыслъ ихъ темный,
Понашлютъ другихъ опять:
Снова трудъ головоломный
Надо бѣдной начинать!

Заиграла Вѣна въ прятки,
Но попалась невзначай...
Впрочемъ, вѣнскія загадки
Пусть рѣшаетъ самъ Дунай!

Темза притчу разсказала,
Но разсказецъ лыкомъ шитъ:
Въ немъ, съ конца и до начала,
Нитка бѣлая сквозитъ.

Эта нитка—край Индѣйскій,
Край наживы вѣковой...
Прочь-же съ нею, съ фарисейской,
Англо-турксокою рѣкой!

Суетится что-то Сена,
Что-то Темзѣ говоритъ:
Хоть и мухѣ по колѣно,
А туда-жь, гляди, шипитъ!

Посполитой рѣчи силы
Вновь зовутъ на насъ глупцы!..
Образумьтесь, изъ могилы
Не выходятъ мертвецы!

Не шали-же даромъ, Сена,
Не мути своихъ дѣтей:
Есть у насъ на Сену Лена,
Есть на Темзу Енисей!

Это присказки, вотъ дѣло:
Рѣчка Шпре у нѣмцевъ есть;
Эхъ, когда-бъ Нева съумѣла
Тѣ загадочки прочесть,

Что прислалъ ей сфинксъ желѣзный
Съ этой Шпре! Тогда-бъ, сестра,

Мы тебѣ—поклонъ любезный
  Отъ Онеги до Днѣстра!

Что-жь, авось и разгадаешь!..
  Но и домъ-бы слѣдъ стеречь;
Подъ шумокъ, сама ты знаешь,
  Можетъ многое утечь!

Глянь, покуда ты гадала,—
  Глубока и широка,
З о л о т а я уплывала
  Тихо за́-море р ѣ к а!

Разрасталась, разбѣгалась
  И, готовивъ Банку крестъ,
Все въ пустыню удалялась
  Отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ! *)

---

*) „Авторъ, вѣроятно, подразумѣваетъ здѣсь почти *шестьдесятъ* (если не болѣе) милліоновъ рублей, на которые въ послѣднее время сократился металлическій фондъ нашего Банка отъ искусственной поддержки вексельныхъ курсовъ. Дальнѣйшія послѣдствія этого, такъ сказать, добровольнаго банковаго погрома обстоятельно выяснены, между прочимъ, въ биржевой бесѣдѣ 273 № „С.-Петерб. Вѣд." Въ тѣхъ-же „Вѣдомостяхъ" (№ 277) сообщенъ слухъ, что управляющій Государственнымъ Банкомъ намѣренъ созвать *частное* собраніе представителей здѣшнихъ банковъ и главныхъ банкирскихъ домовъ „для совѣщанія о мѣрахъ, какія было-бы цѣлесообразно принять для противодѣй-

Горы золота сверкали
  Изъ громадной кладовой
И, сверкая, утекали
  Въ край далекій, но чужой!

Что-жь, заботимся о долгѣ,—
  Стали золотомъ платить...
Внизъ по матушкѣ-бъ, по Волгѣ,
  Это золотце пустить?

Тамъ глаза всѣ проглядѣли,—
  И бумажекъ не добыть!..
Мы, конечно, не дозрѣли,
  Но довольно-бъ такъ шутить!

Завертѣлись банки, скачутъ:
  Совѣщанья, вопли, гамъ;
Снявши голову-то, плачутъ,
  Молодцы, по волосамъ!..»

Поднялася гнѣвно Волга,
  Рокотъ бурь смѣняетъ тишь:

ствія ежедневному пониженію цѣнъ на процентныя и дивидендныя бумаги» *Прим. Ред. „Русскаго Обозрѣнія“*. (1876 г. № 14, стр. 4-я).—Въ одной изъ своихъ недавнихъ передовыхъ статей, „Голосъ“ (1878, № 34-й) утвердительно говоритъ, что искусственная поддержка курса въ 1876 году обошлась нашему Банку слишкомъ въ восемьдесятъ три милліона металлич. рублей.

«Что-то, Невушка, ты долго
Надъ загадками корпишь!

Мнѣ такія-же загадки
Змѣй Горынычъ сочинялъ;
Но съ меня вѣдь взятки—гладки:
Обезглавленнымъ онъ палъ!

Слушай,—Богомъ заклинаю,
Какъ предъ смертью говорю:
Дамъ бойцовъ родному краю,
Слугъ дамъ Батюшкѣ-Царю;

Кликну кличъ на Русь святую,
Змѣя новаго сотру;
Братьямъ волю завоюю,
Ихъ темницы отопру,—

Только... будь-же домовитѣй,
И хозяйкою гляди;
На враговъ плесни сердитѣй
И приказныхъ осади!

Или станемъ мы съ полками
Снова въ полѣ голодать?
Вмѣсто хлѣба, кирпичами *)
Станемъ дѣтокъ угощать?

*) См. изданное по Высочайшему повелѣнію „Описаніе фин-

Казнокрадство, подкупъ, взятки...
Ради Бога, не плошай!
Охъ, не эти-бы порядки,—
Не утекъ-бы и Дунай!»

7 октября 1876.

ляндской войны въ 1808 и 1809 годахъ, Михайловскаго-Данилевскаго, 1841 года, стр. 203. Тамъ, по поводу ревизіи маркиза Паулучи, говорится, что „въ доставленныхъ изъ Петербурга въ Финляндію куляхъ муки нашлись кули, набитые кирпичомъ“.

XIII.

ТРОЙКА.

(По поводу разныхъ воинственныхъ демонстрацій въ Австро-Венгріи).

Bella gerant alii, tu, felix Austria, nube:
Nam quae Mars aliis, dat tibi regna Venus. *)

Вотъ мчится тройка удалая
По гладкой вѣнской мостовой:
Все кверху тянетъ коренная
И бьется въ упряжи ямской.

---

*) Буквально: „Пусть воюютъ другіе! Ты-же, счастливица Австрія, справляй свадьбы: царства, которыя другимъ даетъ Марсъ, тебѣ даритъ Венера!“—Это двустишіе, вѣрно опредѣляющее весь политическій ростъ Австріи, приводится, какъ общеизвѣстное, во всевозможныхъ историческихъ энциклопедіяхъ, сочиненіяхъ и даже учебникахъ прошлаго и нынѣшняго столѣтій. Однако авторъ двустишія положительно неизвѣстенъ. В. Стирлингъ, въ книгѣ: „Монастырская жизнь Императора Карла V“, съ нѣкоторымъ основаніемъ приписываетъ приведенные стихи знаменитому венгерскому королю Матвѣю Корвину (1458†1490), упорному врагу Австріи; но не всѣ согласны съ мнѣніемъ Стирлинга. Не согласны даже и въ редакціи двустишія. Вмѣсто словъ „Bella gerant alii,“ его иногда начинаютъ словами: „bella gerant fortes“ („пусть воюютъ сильные!“); но эта редакція встрѣчается преимущественно у французскихъ писате-

Не йдутъ, уперлись пристяжныя:
Одна все пятится съ пути,
Другой-же въ щели мостовыя
Скорѣе хочется уйдти.

«Охъ, плохи, плохи кони наши:
Ракъ, соловей и кротъ слѣпой!»
Со вздохомъ молвилъ графъ Андраши,
Ямщикъ нарядный и лихой.

лей, напримѣръ—въ Словарѣ Морери („Le grand Dictionnaire Historique", 1740) и, кажется, представляетъ натяжку для придачи бóльшей ѣдкости двустишію. Свой выводъ мы основываемъ преимущественно на томъ, что первая строка двустишія очевидно составляетъ передѣлку Овидіева стиха:

«Bella gerant alii! Protesilaus amet...»

находящагося въ его „Heroiden" (XIII, 84). Выраженіе-же „felix Austria" („счастливица Австрія") встрѣчается, уже какъ извѣстное, въ латинскихъ стихахъ Ульриха Гуттена, реформатора, „Цицерона" и „Демосѳена" Германіи (1488†1523). Въ своемъ стихотвореніи „Императору Максимильяну" („Ad invictissimum principem Maximilianum Caesarem in Venetos exhortatorium", берлинское изданіе 1821 года, стр. 129-я, ст. 421) Ульрихъ фонъ-Гуттенъ какъ-бы протестуетъ противъ исторической эпиграммы, приписываемой королю Матвѣю Корвину, и утверждаетъ, что „счастливица Австрія" не только все думаетъ о свадьбахъ, но также умѣетъ и воевать:

«Arma gerant Bavari, linquant sua rura Nemetes;
Advolet et felix Austia bella gerat.»

Историко-филологическія подробности о „дистихонѣ", который предпосланъ стихотворенію „Тройка", можно найдти въ

«Не колокольчикъ, даръ Валдая,
Гудитъ уныло подъ дугой:
То соловей мой, распѣвая,
Насъ тянетъ къ Курску за собой.

«Не венгръ на сербa напираетъ,
Молясь за турокъ и исламъ:
То ракъ мой задомъ удираетъ
Къ хмѣльнымъ токайскимъ погребамъ,»

«И не австрійскій нѣмецъ въ гору
Съ австрійской юркостью ползетъ:
То шельма-кротъ мой роетъ нору
И землю лапками скребетъ».

Взмолился графъ: «о Боже, Боже!»
И вытеръ слезы кулакомъ...

книгѣ Георга Бюхмана: „Geflügelte Worte. Der Citatenschatz Deutschen Folkes". Берлинъ, 1871, стр. 165-166.

Принятую здѣсь редакцію („bella gerant alii") усвоилъ себѣ и французскій поэтъ Бартелеми Эмберъ (Imbert, 1747†1790), который слѣдующимъ образомъ перевелъ „Distique sur les alliances de la maison d'Autriche":

Qu' un autre suive les combats,
L'Hymen te sert mieux, que Bellone:
Bellone dompte les États;
Sans combat Venus te les donne.»

(Амстердамское изданіе 1774 года, т. IV: „Эпиграммы и сказки въ стихахъ", стр. 206-я).

«Ни на что дѣло не похоже, —
Уложатъ въ гробъ меня живьемъ!»

«Хотѣлъ я всѣхъ невѣстъ Гамида
За нашихъ венгровъ окрутить,
И у него, кому-жь обида,
За дѣвъ въ придачу захватить

Боснійскій край, Герцеговину,
Забрать Сераево, Мостаръ,
А можетъ—земли и за Дрину,
Немножко сербовъ и болгаръ.»

«Невѣсты, правда, мусульманки,
Луна горитъ на ихъ фатахъ;
Но намъ теперь не до изнанки,
Когда и верхъ-то весь въ дырахъ!»

«Въ австрійскій мечъ какая-жь вѣра!
Не въ битвахъ Австрія росла:
Что Марсъ — другимъ, то ей Венера,
По женской милости, дала!»

«Хорошъ былъ планъ, но не до плана
Съ бѣдовой тройкою такой!
Мнѣ не добраться до султана;
Ни тпру, ни ну, хоть волкомъ вой!»

«Къ тому-жь клянетъ меня безъ мѣры
И Гарибальди, недругъ мой:
Все громче слышится съ Капреры
Мнѣ: «со святыми упокой!»

«Прошу же горькую судьбину:
Умилосердись, помоги!
Размыкай скорбь мою-кручину,
Моихъ коней перепряги!»

«Но соловьи мнѣ сломятъ шею,
На камни спустятъ съ облаковъ;
Летать я, право, не умѣю,
Не жду добра и отъ кротовъ.

«Остались Пештъ да, развѣ, Краковъ,
По вѣрѣ въ папу другъ и сватъ...
Такъ подпрягите-жь, братцы, раковъ:
Попячусь засвѣтло назадъ!»

2 ноября 1876.

XIV.

БОГЪ РАЗДОРА.

„Krev milou cizí žížen chlastá.“ *)

Изъ «Дочери Славы» Коляра.

Бывало, грековъ ссорила Пандора,
Въ Аѳинахъ, въ Спартѣ сѣяла раздоръ;
Но всеславянскій лютый богъ раздора
Страшнѣй десятка греческихъ Пандоръ.

На Эльбу онъ сурово кинулъ взоры, —
Славянъ балтійскихъ въ корень сокрушилъ:
Завелъ у нихъ усобицы да ссоры,
И тамъ, гдѣ жилъ сынъ Славы,—рядъ могилъ!

Свернулъ на югъ,—сковалъ оковы чеху,
И Гуссъ въ огнѣ папистовъ пепломъ сталъ;
И долго, разнымъ Піямъ на утѣху,
Костеръ въ несчастной Чехіи пылалъ!

На Вислу дунулъ,—смерть принесъ онъ ляху,
Его отъ братьевъ злобно оттѣснилъ;
И ляхъ покорно голову на плаху,
Какъ Исаакъ библейскій, положилъ.

*) „Милую кровь сосетъ чужая жажда!“

Пошелъ въ Царьградъ,—привелъ туда султана,
Сверкнулъ зловѣщимъ блескомъ ятаганъ;
И сталъ сосать свирѣпый родъ Османа
Чужую кровь, кровь грековъ и славянъ!

Подкрался къ сербу,—съ сербомъ вдругъ повздорилъ
И мечъ его злорадно надломилъ;
Съ нимъ добровольца русскаго поссорилъ
И дружный ихъ порывъ затормозилъ...

Ликуй, ликуй, славянскій богъ рздора,
Послѣдній пиръ свой весело справляй!
Но торопись: въ Босфоръ ты рухнешь скоро,
И мы тебѣ не скажемъ: «выдыбай!»

Спасибо, врагъ нашъ хитрый и исконный,
Что рано ты ушелъ изъ русскихъ льдовъ:
И вотъ тамъ выросъ сильный, непреклонный
Сынъ десяти страдальческихъ вѣковъ!

И на тебя идетъ онъ грозной тучей;
Единствомъ крѣпокъ старшій братъ славянъ;
Не сокрушатъ руки его могучей
Софтъ-Элліотъ и Биконсфильдъ-султанъ.

Призывно, шумно вѣетъ наше знамя,
Насталъ и нашъ давно желанный пиръ;

Уже горитъ славянской жизни пламя
И охватило весь славянскій міръ.

Всѣхъ братьевъ мы зовемъ на подвигъ славный,
Готовы все забыть мы въ славный часъ;
Во всеславянской мантіи державной
Русь ждетъ и васъ, отступниковъ, и васъ!

Вашъ тяжкій грѣхъ отпуститъ и замолитъ,
Вамъ «лихолѣтье» *) русское проститъ.
Для васъ ягненка лучшаго заколетъ
И нѣжно васъ, заблудшихъ, угоститъ.

Въ огонь скрижаль, исписанную кровью!
Забудемъ дни, померкшіе въ крови, —
И пусть потушитъ ненависть любовью
Господь добра, единства и любви!

18 ноября 1876.

---

*) Народное названіе смутнаго времени самозванцевъ.

XV.

ВНѢШНІЙ ВОПРОСЪ.

(Посвящается составителямъ внутреннихъ обозрѣній въ нѣкоторыхъ нашихъ толстыхъ журналахъ).

Безъ словъ понятенъ вопль вашъ безутѣшный:
Зовете *внѣшнимъ* вы славянскій нашъ вопросъ;
Еще-бы нѣтъ! Для многихъ онъ—*кромѣшный*,
Самъ мудрый Биконсфильдъ въ немъ видитъ
мало розъ.

*

Кутитъ онъ съ горя, ѣздитъ на банкеты
И завирается, витійствуя до слезъ...
Покончите-жь лукавые совѣты:
Совѣтчиковъ, какъ вы, народъ нашъ переросъ!

*

Онъ смотритъ вдаль торжественно и смѣло,
Не дрогнетъ онъ отъ стрѣлъ журнальныхъ вашихъ
грозъ;
Ему до «Дѣлъ» и «Вѣстниковъ» нѣтъ дѣла:
Не имъ поколебать народный нашъ утесъ!

23 ноября 1876.

XVI.

ПУТЕШЕСТВІЕ МАРКИЗА САДИСЬ-БЕРИ.

„Конченъ, конченъ дальній путь, вижу край родимый.“

Маркизъ Садись-бери, наперсникъ Дизраэли,
Оконченъ, говорятъ, торжественный вашъ путь.
Ну что-жь, достигли-ль вы своей желанной цѣли
И въ сѣти Англіи поймали-ль что нибудь?

—

Зачѣмъ, скажите намъ, какъ заяцъ вы метались,
Волчкомъ вертѣлися, скакали вкось и въ бокъ?
Но впрочемъ мы, маркизъ, совсѣмъ не удивлялись
Ни вашей ловкости, ни прыти вашихъ ногъ.

—

Точь-въ-точь, какъ вы, всегда кружились ваши лорды,
И крались къ прибыли всѣ ваши торгаши;
Вы въ бухгалтеріи, конечно, очень тверды:
Такъ что-же, какъ дѣла, велики-ль барыши?

—

Чѣмъ, новоявленный, ретивый другъ *) Корана,
Васъ вѣтреный Парижъ съ почетомъ угостилъ?

*) Мы встрѣтили маркиза Салисбэри по п л а т ь ю, а проводили его по у м у и с е р д ц у. Лордъ Биконсфильдъ, кажется, нѣсколько ошибся въ выборѣ, и почтенный маркизъ оказался плохимъ туркофиломъ.

Синицу въ небѣ далъ вамъ «честный мужъ» Седана
И только, кажется... присѣсть васъ пригласилъ.

—

Но не сидѣлось вамъ: отъ ласкъ кокетки Сены
На Пештъ спѣшили вы, на Тиссу и Дунай,
Чтобъ доскакать стремглавъ до трехъязычной Вѣны
И крикнуть съ ужасомъ: «родная, выручай!»

—

Однако, для чего-жь вы столько крюку дали,
Свернули къ сѣверу, заѣхали въ Берлинъ?
«Bonne chance, bonne chance, маркизъ», въ Берлинѣ вамъ сказали,
Примолвивъ вѣжливо: «садитесь, что вашъ сплинъ?»

—

Не сѣли вы, маркизъ, вы здраво разсуждали:
«Привыкли мы сидѣть лишь тамъ, гдѣ есть что взять!»
Съ досадой вышли вы и въ Вѣну прискакали:
Тамъ снова просятъ васъ—присѣсть и обождать!

—

Вы ободрилися, запѣли вдругъ сиреной,
И что-жь?.. зовутъ въ театръ въ такой великій часъ:
Андраши порѣшилъ «Прекрасною Еленой»
Утѣшить и развлечь на перепутьи васъ! *)

—

*) По газетнымъ извѣстіямъ, маркизъ Салисбэри дѣйствительно присутствовалъ въ Вѣнѣ на представленіи „Прекрасной Елены“.

Вы кинулись на югъ и—въ Римѣ очутились:
Тамъ Мелегари *) сталъ вамъ «Вѣрую» читать;
Маркизъ, вы на него ужасно разсердились
И даже Ватиканъ забыли приласкать.

—

Напрасно. Папа Пій — вѣрнѣйшій другъ султана,
Молитвенникъ святой за англо-мусульманъ:
Онъ вамъ, въ напутствіе, прочелъ-бы стихъ корана.
Вновь разрѣшилъ-бы гнать восточныхъ христіанъ!

—

И вотъ въ Стамбулѣ вы: садитесь и берите,
Пока Абдулъ-Гамидъ и живъ еще, и цѣлъ;
Индѣйскимъ фокусамъ сотрудниковъ учите,—
Не даромъ вы, маркизъ, министръ индѣйскихъ дѣлъ!

—

Въ подмогу «ножницамъ» скорѣй направьте «бритвы»,
Калькутту вспомните, припомните Аудъ!.. **)
И вѣрьте: къ небесамъ горячія молитвы
За васъ шейхъ-уль-исламъ и папа вознесутъ.

26 ноября 1876.

---

*) Итальянскій министръ иностранныхъ дѣлъ.

**) Послѣдній аудскій король (въ Индіи) былъ, какъ говорятъ, зарѣзанъ, во время бритья, цирюльникомъ, подкупленнымъ англичанами, которые вслѣдъ за тѣмъ окончательно присоединили Аудское королевство къ своимъ владѣніямъ.

XVII.

БУРЛАКИ.

(Мірская сходка передъ мірскою расправою).

«Ой, колы-бъ колы москали пришлы,
Москали пришлы, наши сродные,
Наши сродные, вѣры одныя!..»

Запѣвка народной пѣсни.

ПЕРВЫЙ БУРЛАКЪ.

Ай, братцы, видимо-невидимо народу:
Куда ни глянь кругомъ—все наши бурлаки!

ВТОРОЙ.

Не шутка вытащить турецкую колоду:
Ишь стала, лѣшая,—какъ разъ серёдъ рѣки.

ТРЕТІЙ.

Чего серёдъ рѣки! Уперлася боками
Съ разбѣгу въ берега, мѣшаетъ плыть судамъ:
Ни хлѣбушка подвезть, ни свидѣться съ друзьями,
Ни помочи послать славянскимъ молодцамъ!

ПАРЕНЬ.

Четыре мѣсяца колоду-то качала
Миланова артель... ужь какъ-бы не стащить!

СТАРИКЪ.

Эхъ, парень, не грѣши: силенокъ было мало:
Насъ ей-то и зовутъ маленько подсобить.

ТОТЪ-ЖЕ ПАРЕНЬ.

Довольно-бы, кажись, и нашихъ-то артелей,
А тутъ еще толпой валитъ чужой народъ, —
Все гуще съ каждымъ днемъ и каждою недѣлей...
Кто это въ треухѣ на встрѣчу нашимъ претъ?

ЧЕТВЕРТЫЙ БУРЛАКЪ.

Кто? «Вейки» *) не узналъ? Нашелъ-же ты чужова!
Здорово, веюшка,—не вытерпѣлъ, родной?
Ты добръ, хоть изъ тебя по днямъ не выжмешь слова:
Ты ловкостью—медвѣдь, а сердцемъ—золотой!

ПЯТЫЙ.

Вы на балясахъ съ нимъ далеко не уйдете;
Но гору-ль срыть дотла иль каменный утесъ,
Иль озеро спустить,—другого не найдете:
Всѣхъ за-поясъ заткнетъ, первѣйшій камотесъ!

ТРЕТІЙ.

Ну что-же, и ему найдемъ мы здѣсь работки.

---

*) Вѣроятно многіе петербуржцы знаютъ, что „вейками“ нашъ столичный людъ зоветъ на масляницѣ финновъ, которые тысячами наѣзжаютъ тогда въ столицу катать по городу право-

ФИННЪ.

Пасибо!

ПЯТЫЙ.

Жалко, нѣтъ салакушки у насъ!
Такъ вотъ что, батюшка: хлѣбни кваску съ охотки
Да хлѣбцемъ закуси.

ФИННЪ.

Пасибо, латокъ васъ! *)

ПЯТЫЙ.

Съ кѣмъ, вейка, ты пойдешь?

ФИННЪ.

Кѣмъ? Minä veikkon kanssa! **)

БУРЛАКЪ, ЖИВШІЙ ВЪ ГЛУШИ ФИНЛЯНДІИ.

Такъ, съ братьями! А кто, скажи, тебѣ здѣсь братъ?

ФИННЪ.

То вѣря ресть!

БУРЛАКЪ, ЖИВШІЙ ВЪ ПРИМОРСКОЙ ФИНЛЯНДІИ.

Смекнулъ. Кто вѣритъ въ крестъ! Ай, сватъ!

славныхъ и преимущественно—купеческія и ремесленныя семьи средней руки; но конечно немногимъ извѣстно, что слово veikko значитъ пофински—„братъ".

*) „Спасибо, сладокъ квасъ".

**) „Вмѣстѣ съ братомъ!"

Въ Кемзолѣ [1]) я слыхалъ отъ Ерика и Ганса,
Что ты послѣдній грошъ отдать за нашихъ радъ.

ФИННЪ.

Мой — markatta! [2])

ТОТЪ-ЖЕ БУРЛАКЪ.

Какъ такъ! Мартышка? [2]) Что съ тобой
Рехнулся что-ли ты, въ умѣ-ли, нашъ родной?
Брось, Матти [3]), не чуди, зачѣмъ себя ругаешь!
Не облезьяна ты, крещёный человѣкъ;
А что̀ отъ крохъ своихъ славянамъ удѣляешь, [4])
То Богъ на небеси зачтетъ тебѣ навѣкъ.

ФИННЪ.

Kiitoksia!... [5])

СТАРИКЪ.

Нà!... и Станиславъ, и Янъ!
Вотъ гости рѣдкіе, мы вовсе ихъ не ждали.

---

[1]) Кемзоль—народное русское названіе финляндскаго города Кексгольма.

[2]) Markatta пофински значитъ: „безъ марки", „нѣтъ ни марки", т. е. вовсе нѣтъ денегъ. На другомъ-же главномъ языкѣ Финляндіи, шведскомъ, слово „markatta" означаетъ мартышку", пофински — „marakatti" (нѣм. Meerkatze).

[3]) Въ типѣ финна Матти (Матвѣя) профессоръ Топеліусъ рельефно очертилъ народный характеръ финновъ въ противоположность Иванамъ (русскимъ) и Эрикамъ (шведамъ). Ср. Нашу „Финляндскую хронику" въ 12 №-рѣ „Русскаго Обозрѣнія" за 1876 годъ.

[4]) По словамъ „Голоса" (1878, № 36-й), эти крохи составили за 1877 годъ около полумилліона рублей.

[5]) „Спасибо" пофински.

ЧЕТВЕРТЫЙ БУРЛАКЪ.

Слышь, челобитную Царю они писали,
Чтобъ съ нами Царь и ихъ послалъ на агарянъ!

ВТОРОЙ.

Цѣлуйтесь, молодцы! Кто старое помянетъ,
Тому вонъ глазъ!.. Спаси насъ, Господи, отъ зла!
Пущай и Станиславъ за братьевъ лямку тянетъ,
Коли усердье есть да ненависть прошла!

АРТЕЛЬНАЯ КУХАРКА ДОМНА.

И Янъ, и Станиславъ! Голубчики, къ Матренѣ
Мнѣ сбѣгать надобно,—вернуся черезъ часъ...
У Спаса двѣ свѣчи поставимъ на амвонѣ:
Вѣдь тѣ-же, говорятъ, родители у насъ!

НѢСКОЛЬКО БУРЛАКОВЪ.

Молися, Домнушка, ставь свѣчку,—не мѣшаетъ;
Но радоваться мы маленько обождемъ;
Все, можетъ, —на словахъ, а послѣ, шутъ ихъ знаетъ,
Опять начнутъ дурить да биться въ стѣну лбомъ!..

ДРУГІЕ БУРЛАКИ *(перебивая)*.

Ну, полно вамъ шумѣть! Въ семьѣ не безъ урода,
Давно-бы къ намъ пришелъ бездольный польскій хлопъ,
Когда-бы не паны!.. Не троньте вы народа:
Всему паны виной, да ихъ съ гумёнцемъ попъ!

ВТОРОЙ ПАРЕНЬ.

А это кто?

ШЕСТОЙ БУРЛАКЪ.

Волохъ, да нашъ пріятель грецкій:
Имъ тожь желательно намъ, братцы, подтянуть!
Пять сотъ годковъ хлесталъ и жегъ ихъ кнутъ турецкій, —
Такъ хочется и имъ слободнѣе вздохнуть.

ТОТЪ-ЖЕ ПАРЕНЬ.

А это что за людъ?

ТОТЪ-ЖЕ БУРЛАКЪ.

Цыцарцы, агличане,
Тальянцы, да французъ, да прусскихъ нѣмцевъ ждемъ!

ТРЕТІЙ ПАРЕНЬ.

На кой ихъ чортъ! И насъ довольно, расеяне!

ТОТЪ-ЖЕ БУРЛАКЪ.

Нельзя-же, кумовство съ Европіей ведемъ.

СЕДЬМОЙ БУРЛАКЪ.

Не спорю, братцы, я: намъ прусскій нѣмецъ кумъ, —
Его не разъ отъ бѣдъ мы дружно выручали;
А что цыцарцы-то за помочь нашимъ дали,
Чего мы агличанъ ласкаемъ наобумъ?

ПЯТЫЙ БУРЛАКЪ.

Не всѣ-же и они славянамъ яму роютъ:
Одинъ работаетъ надъ этимъ, — Венияминъ;

Не всѣ въ Цыцаріи славянству козни строютъ:
Угорскій человѣкъ тамъ ныньче господинъ!

ОСЬМОЙ БУРЛАКЪ.

Неладно, братцы, такъ, не кончилось-бы кашей!
Вѣдь угры-то назадъ потянутъ, не впередъ...

ДЕВЯТЫЙ БУРЛАКЪ.

Да, надо-бъ порѣшить на чемъ нибудь съ Кондрашей:
Иначе нашъ бурлакъ всѣхъ угровъ перемнетъ!

СЕДЬМОЙ.

Кондрашѣ дѣломъ-бы заняться не мѣшало,
Чѣмъ дуть на Сербію во «Флейту» да «Хорошъ»; [1])
И отъ хорошей-то вѣдь флейты толку мало,
Когда какъ слѣдуетъ ладовъ не подберешь.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПАРЕНЬ.

Слыхали-ль вы, солдатъ разсказывалъ Антропкѣ,
Что въ уграхъ точно бѣсъ усѣлся и завылъ,
Когда Шакалъ-паша [2]) къ какому-то ихъ Хлопкѣ [3])
Въ Царьградѣ съ кофтами и муфтами [4]) сходилъ?

---

[1]) „Лейта" и „Марошъ"—мониторы, посланные австрійцами къ Бѣлграду. „Марошъ" оказался, какъ извѣстно, самопаломъ, хотя и неудачнымъ.

[2]) Шевкетъ-паша. [3]) Венгерскій генералъ Клапка.

[4]) Софты и муфтіи.

СТАРИКЪ.

Свои идутъ къ своимъ, свои своихъ познали:
Обрѣжутъ скоро ихъ и сопричтутъ къ ордамъ...

ТРЕТІЙ ПАРЕНЬ.

О Венияминѣ вы, родные, не сказали?

ДЕСЯТЫЙ БУРЛАКЪ.

Ну, этотъ ужь давно обрѣзался и самъ!

ЧЕТВЕРТЫЙ ПАРЕНЬ.

Служивый сказывалъ: отъ Хлопки въ ихъ божницу
Шакалъ-паша со всей ватагой повалилъ;
Дорогой славилъ онъ индѣйскую царицу
И Венямина тожь, изъ кожи лѣзъ, хвалилъ.

ДЕВЯТЫЙ БУРЛАКЪ.

А что-жь въ божницѣ то?

ТОТЪ-ЖЕ ПАРЕНЬ.

Въ божницѣ Мухамёду
За Венямина всѣ молилися до слезъ;

ТРЕТІЙ ПАРЕНЬ.

Чтобъ былъ здоровъ, бытѣлъ, помогъ стащить колоду?

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Не то,—чтобъ больше пилъ и больше гили несъ. *)

---

*) Дѣло было тотчасъ-же по полученіи въ Константинополѣ телеграммы о приснопамятной гильдгольской рѣчи Биконсфильда.

СТАРИКЪ.

Эй, братцы-бурлаки, пора-бъ и за работу!
Иначе, засоримъ, пожалуй, бичеву [1]).

ДРУГОЙ.

Пора, голубчики, послалъ Господь заботу:
Такъ ухнемъ-же какъ встарь, потянемъ тетиву! [2])

ТВЕРСКАЯ АРТЕЛЬ *(запѣваетъ).*

Ты подуй, подуй, погодушка
Бурливенькая,
Полюби меня, лебедушка
Красивенькая! [3])
Облюбилъ бурлакъ лебедушку, —
Новой не ищи:
Потащилъ-поперъ колодушку, —
Охай да тащи!

АРТЕЛИ ЯРОСЛАВСКАЯ И НИЖЕГОРОДСКАЯ
(подхватывая):

Вы неситесь, разноситесь,
Пѣсни думныя;
Подымайтеся, клубитесь,
Волны шумныя!

---

[1]) „Засорить бичеву“ — бурлацкое выраженіе (зацѣпить за что нибудь бичевою).

[2]) „Тетива“—то-же, что бичева, веревка.

[3]) На мотивъ запѣвки тверской бурлацкой пѣсни, записанной въ собраніи русскихъ пѣсенъ П. Якушкина (Спб., 1860).

Только «крякать», братцы, намъ
Не доводится;
«Охать» русскимъ бурлакамъ
Не приходится.

АРТЕЛЬ МОСКОВСКАЯ.

Не гугорьте, молодцы!
Дѣло свычное:
Наши дѣды и отцы,
Голь станичная,
Вѣрой-правдою несли
Службу царскую,
Разгромили, размели
Тьму татарскую,
Повернули къ верху дномъ
Всю Татарію...
Неужли-же не спасемъ
Мы Болгарію?
Мы въ дерюгѣ и въ лаптяхъ,
Неотесаны,
Волоса на головахъ
Непричесаны,
Грязь и копоть въѣлись въ насъ...
Закоптѣлые,
Мы страду несли за васъ,
Люди бѣлые:

«Што-торги», «Садись-бери»,
«Зычи» *) сытые;
Отъ Орды мы васъ спасли,
Неумытые;
Съ лютой силой шли на бой,
Съ басурманскою,
Заслонили васъ стѣной
Всеславянскою.
Вамъ-же, братья, наша кровь —
Во спасеніе!
Такъ спасемъ мы крестъ Христовъ,
Крестъ терпѣнія,
И отъ васъ! Опять пойдемъ,
Будемъ маяться;
Но, глядите, чтобъ потомъ
Не раскаяться!..

АРТЕЛЬ НОВГОРОДСКАЯ.

Въ путь дорожку, бурлаки,
Русской удали сынки!
Кому клинъ и станъ—все рѣшается.

ПСКОВСКАЯ.

Ухнемъ съ матушкой Москвой,
Сгладимъ поле бороной...

*) Шоторди, Салисбэри и Зичи.

СМОЛЕНСКАЯ.

Господинъ-султанъ упирается.

ОДИНЪ ИЗЪ ТОЛПЫ.

Не спѣлись что-то мы; не въ голосъ тянешь, вейка;
На дѣло молодецъ, но пѣть ты не мастакъ!

ДРУГОЙ.

Ишь ноетъ, слышите, чудской нашъ соловейка:
И словъ не разберешь... Закуковалъ никакъ?

ФИННЪ *(поетъ вполголоса).*

«Mínun, kúltani, káukana kúkkuu,
Aína Sáiman ránnalla!»... *)

НѢСКОЛЬКО БУРЛАКОВЪ.

Вейка, голубчикъ, нагонишь ты скуку:
Куковать не рано-ли?

ФИННЪ.

Ei voì, не дётъ! Катова я тараться! **)

СТАРЫЙ БУРЛАКЪ.

Не вой, пойдетъ! Иначе надо взяться
Намъ за веревку-то... Отсюдова зайди!

---

*) Начало очень заунывной и распространенной финской пѣсни, извѣстной подъ названіемъ „Кукушка“ („Мой золотой далеко кукуетъ, ужè на берегу Саймы“).

**) „Нельзя, не йдетъ! Готовъ я стараться!“

МНОГІЕ ГОЛОСА.

Ну, дядюшка Игнатъ, готовы мы стараться;
Скорѣй бурлацкую запѣвку заводи!

ДЯДЯ ИГНАТЪ.

Ой, ухнемъ, эй, ухнемъ!

НѢСКОЛЬКО БУРЛАКОВЪ.

Громче ухай, дѣдка Власъ!

ХОРЪ.

Сдвинемъ съ мѣста колоду, внизъ потащимъ каряву,
Басурманамъ покажемъ святорусскую славу...

ДЯДЯ ИГНАТЪ.

Эй, ухнемъ, ай, ухнемъ!

ХОРЪ.

Еще разикъ, еще разъ!

ПЕРЕДНІЙ БУРЛАКЪ.

Микола, понажми, налягъ покрѣпче... ухъ!
(Веревка обрывается, и всѣ падаютъ другъ на друга).

МАДЬЯРЪ.

Вотъ славно, хе, хе, хе,—съ размаху наземь бухъ!

ФРАНЦУЗЪ.

Мнѣ больно, sapristi, quel jeu abominable!

АНГЛИЧАНИНЪ.

Yes, yes, goddam! И я согласенъ... execrable!

ПРУССАКЪ.

So, lass'doch sehen!.. Гмъ, тутъ надобна снаровка!

ИТАЛЬЯНЕЦЪ.

Si, si, конечно такъ! Тянули мы неловко.

МАДЬЯРЪ.

Андраши, радуйся! Спаслась Орда, эльенъ! *)

ОДИНЪ ИЗЪ ПЕРЕДНИХЪ БУРЛАКОВЪ.

Ты горла не дери, какой тебѣ Ильинъ!
Не онъ поддѣлъ, а твой любезный Вениаминъ:
Подсунулъ, вишь, гнилье,—обтертую веревку!
Тутъ, братецъ, призови, хоть Божію коровку,
Такъ дѣло выйдетъ дрянь, и какъ ни кинь ты—клинъ!

ДРУГОЙ.

Вѣдь говорилъ-же я: плутуетъ Вениаминъ.

ОДИНЪ ИЗЪ ТОЛПЫ.

Ну, перекресть какъ есть,—о чемъ и толковать!
Хозяйка оченно его избаловала;
Ужь двухъ Обдуловъ онъ заставилъ, какъ попало,
Подъ дудочку свою жидовскую плясать.

*) Венгерскій кликъ торжества и радостнаго привѣтствія, соотвѣтствующій нашему „ура“ и родственному финскому: „eläköön“, „да здравствуетъ!“.

ДРУГОЙ.

Серчаютъ, говорятъ, и сами агличане;
Слыхали, въ февралѣ хотятъ его связать? *)

ТРЕТІЙ.

Еще-бъ!.. Хоть маклаки, а тоже христіане:
Такъ перекресть и имъ, какъ нашимъ, не подъ стать!

МОЛОДОЙ БУРЛАКЪ.

А смотришь, вотъ и правъ былъ дядюшка Игнатъ:
Авоська наша все, родные, виновата;
Веревкой не тащи, гдѣ надобенъ канатъ...

СТАРЫЙ БУРЛАКЪ.

Не поздно-ль, дѣтушки? Сорвется и съ каната!

ЕЩЕ БУРЛАКЪ.

Ну, все-жь попробуемъ! Чудеснѣйшій канатъ
Привезъ Садись-бери: намазанъ весь смолою;
И толстъ, и крѣпокъ онъ, и цѣпокъ, говорятъ...
Пожалуй, порѣшимъ на этотъ разъ съ Ордою!

МНОЖЕСТВО ГОЛОСОВЪ.

Неси скорѣй, крути, обвей живѣй колоду,
Побольше насѣки зарубокъ и узловъ!
Довольно-ль топоровъ, достанетъ-ли народу?
Беритесь, ухнемте,—нашъ гужъ опять готовъ.

---

*) Въ февралѣ 1877 года долженъ былъ собраться парламентъ.

ХОРЪ.

Ухни, дубинушка, ухни,
Русскихъ потѣшь бурлаковъ;
Рухни, колодушка, рухни!
Много мы бились годковъ:
Въ тяжкую страдную пору
Лямки тянули съ зари...
Въ гору, голубчики, въ гору!..
Угръ, не балуй-же, смотри!

(Канатъ сильно натягивается, но колода неподвижна).

НѢСКОЛЬКО БУРЛАКОВЪ *(почесывая затылки).*

Эхъ, заколодило негодную, нѣтъ силъ!

СТАРЫЙ БУРЛАКЪ

А что-жь вы думали, что аглицкимъ канатомъ
Ее вы стащите?.. Пошлите за думкратомъ!

МОЛОДОЙ БУРЛАКЪ.

Вѣдь дядюшка Игнатъ канатъ-то намъ хвалилъ.

СТАРЫЙ БУРЛАКЪ.

Заладили—Игнатъ! Весною было дѣло;
А ныньче что? Зима. Канатъ-то и негожъ;
Колода осенью въ такой, братъ, омутъ сѣла,
Что и думкратомъ-то, пожалуй, не сопрешь!

ДРУГОЙ СТАРЫЙ БУРЛАКЪ.

Да вѣдь и то сказать: коль міромъ всѣмъ потянемъ,

Такъ и сопремъ ее на время, а потомъ?
Опять, какъ въ старину, тянуть мы перестанемъ,—
И выйдетъ: вся страда и потъ нашъ нипочемъ!

ТРЕТІЙ.

Ты правду-истину намъ молвилъ, кумъ Вавило!
Колоду тянемъ мы ужь съ батюшки Петра;
Два вѣка на Дунай бурлачество ходило,
Костьми ложилось тамъ: а много-ли добра?

МОЛОДОЙ БУРЛАКЪ.

Ну, были мы тогда ужь жалостливы больно!
Теперь-же, дѣдъ, ни-ни! Окрысился бурлакъ.
Турецкихъ нехристей терпѣли мы довольно,
Довольно мыкались, а нынче мы—вò какъ!
(показываетъ кулаки).

БУРЛАКЪ.

Такъ что-же?

ДРУГОЙ.

Какъ-же быть?

ТРЕТІЙ.

На сходку!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Міръ сзовемъ!

СТАРЫЙ БУРЛАКЪ.

А тутъ-то что-жь, не міръ? Немало мы галдѣли,

Тянули канитель и въ проголодь все ѣли.
Кличьте стариковъ! Гдѣ дѣдушка Пахомъ?

ВТОРОЙ.

За сотню лѣтъ пошло старинушкѣ Пахому:
Хрипота доняла, ни живъ, ни мертвъ Пахомъ

ПЕРВЫЙ.

Пусть дѣдушка лежитъ, ведите къ намъ Ерему!

ВТОРОЙ.

Ерема при смерти, свернулся калачомъ.

ПЕРВЫЙ.

Пусть Власъ тогда идетъ! У Домны онъ въ свѣтлицѣ
На печкѣ грѣется,—пущай поучитъ насъ!
Онъ началъ гужъ тянуть при матушкѣ царицѣ,
Тянулъ при трехъ царяхъ и тянетъ посейчасъ!...

ДѢДЪ ВЛАСЪ *(опираясь на посохъ).*

Пришелъ я, дѣтушки! Бурлачимъ мы неладно!
Намъ съ агличаниномъ валандаться не слѣдъ:
Ученыхъ сталъ учить...

МНОГІЕ ГОЛОСА.

Власъ началъ очень складно;
Какой-то, братцы, дастъ намъ дѣдушка совѣтъ?

ВЛАСЪ.

Совѣтъ?... а вонъ какой: задаромъ не тяните,

Сыны расейскіе, вы аглицкій канатъ!
Сперва колоду-то на части разнимите,—
А тамъ?.. веревочкой протащимъ ихъ назадъ.

НѢСКОЛЬКО ГОЛОСОВЪ.

И что-жь потомъ?

ВЛАСЪ.

Потомъ? Колоду вновь собьемъ
Кусокъ къ куску, какъ встарь; турецкіе лишь вынемъ
И пустимъ за̀-море! Оковы съ братьевъ снимемъ
И всѣхъ ихъ наградимъ наслѣдственнымъ кускомъ!
Но пуще жупела вы бойтесь искушенья:
Къ вамъ съ «Кунштой куцою» *) Салфетъ-паша **) идетъ:
Та «Кунште куцая»—соблазнъ и навожденье,
Отъ дьявола бо есть и только въ грѣхъ введетъ!...
Не вѣрьте вы ея лукавымъ помаваньямъ:
Она что василискъ, сказалъ начетчикъ мнѣ:
Коли прельститъ она миганьемъ да виляньемъ,—
Вновь станутъ нашихъ жечь и жарить на огнѣ.

БУРЛАКЪ.

Ай Власъ! Каковъ старикъ? Всѣмъ было невдомёкъ.

ВЛАСЪ.

Да вотъ еще, сынки: въ пять тысячъ глазъ глядите

*) Кунштa куцая—конституція, конечно, турецкая.
**) Савфетъ-паша—турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ.

За Вениаминомъ вы и зорко сторожите!
Онъ шибко воровать: стянулъ—и наутекъ.
Пущай онъ всѣ куски по нашимъ биркамъ сдастъ!
Искаріотъ Христа за тридцать денегъ продалъ,
А этотъ, молодцы, и за десять продастъ.

БУРЛАКИ.

Не бойся, дѣдушка!.. додастъ—чего не додалъ!
Спасибо за совѣтъ, на рѣчи ты гораздъ.

ВЛАСЪ.

Ну, тото-жь, не зѣвать! Я слышалъ отъ Пахома,
Какъ агличанинъ встарь гишпанца обобралъ:
Земельки захватилъ, да и засѣлъ какъ дома...

КУХАРКА ДОМНА.

Ахъ, матушки, костыль у нищаго укралъ!

(*Бурлаки идутъ впередъ и съ пилами, топорами, веревками и пѣснями толпою обступаютъ колоду*).

СТАРЫЕ БУРЛАКИ.

Посѣдѣли бороды, притомились ноженьки,
Всѣ въ мозоляхъ рученьки, а впередъ пойдемъ!

МОЛОДЫЕ БУРЛАКИ.

Намъ недолго маяться на пути-дороженькѣ:
Иль размечемъ вороговъ, иль за крестъ умремъ.

СТАРЫЕ БУРЛАКИ.

Кликнетъ кличъ нашъ Батюшка, — встанетъ Русь державная,
Вспыхнетъ яркимъ поломемъ, огненной рѣкой;
Вѣра дѣдовъ, прадѣдовъ, вѣра православная:
Свято дѣло русское, Русь стоитъ тобой!
Сломимъ-же за сродниковъ силу агарянскую!
Всѣ мы ходимъ подъ Богомъ, надо-жь умирать;
Вырвемъ съ корнемъ, вытопчемъ нечисть басурманскую:
Вѣкъ насъ въ храмахъ Божіихъ будутъ поминать.

ВСѢ ВМѢСТѢ.

Сгиньте-жь, тучи черныя, выглянь, солнце ясное,
Нашу темнеть долгую освѣти кругомъ!
И къ Христову праздничку мы яичко красное...
(постоянно отдаляясь и замолкая):
Съ хлѣбомъ-солью... съ пасхою... братьямъ принесемъ.

15 декабря 1876.

XVIII.

АНТИХРИСТЪ.

(Со шведскаго). *

Изъ мглы туранскихъ выжженныхъ степей
Пришелъ Антихристъ въ фескѣ и съ кораномъ:
Сыновъ Христа онъ коситъ ятаганомъ,
Распявъ отцовъ, позоритъ дочерей.
Европы гидра, бичъ ея дѣтей,
Теперь—ея собачка, онъ съ султаномъ
Грозится дать «реформы» христіанамъ...
Туда-жь и онъ съ «реформами», злодѣй!
А вы, чего-жь вы медлите, «державы»?
Метлой его съ ограбленныхъ имъ троновъ,
Прочь когти тигру,—всѣхъ нето заѣстъ!
Иль дипломатамъ кровь нужна для славы?..
О, прогоните-жь Азіи мормоновъ
И на мечеть скорѣй поставьте крестъ!

25 декабря 1876.

*) Сонетъ изъ 41-го №-ра сатирической стокгольмской газеты „Kasper“ (за 1876 годъ).

XIX.

СЕМЬДЕСЯТЪ СЕДЬМОЙ ГОДЪ.

„Или, Или, лама̀ савахѳани? то есть:
Боже мой, Боже мой, для чего Ты Меня
оставилъ?“ (Ев. отъ Матѳ. XXVII, 46).

Ты съ чѣмъ идешь, невѣдомый и новый?
Куда славянъ и нашу Русь зовешь?
Несешь-ли мечъ въ своей рукѣ суровой,
Иль свѣточъ воли узникамъ несешь?

Въ гробу̀ твой братъ: на немъ покровъ страданій,
Безстыдной лжи, кровавыхъ мукъ и слезъ;
Покровъ раздора, козней и шатаній,
Пустыхъ рѣчей и суетныхъ угрозъ.

Покойный былъ завзятымъ Джономъ Булемъ,
Какъ рыжій Буль, любилъ пѣтушій бой;
На Божій міръ глядѣлъ евреемъ Шмулемъ
И фарисейски ахалъ предъ толпой.

Межъ тѣмъ... въ походъ лукаво и упрямо
Онъ пѣтуха Гамида снаряжалъ;

На наковальняхъ адскихъ Бирмингама
Ему вторую «шпорку» доправлялъ

И то впередъ пускалъ его, задорилъ,
То взадъ тащилъ за красный гребешекъ;
Изъ-за угла тайкомъ дружилъ и вторилъ
Ему цыцарскій пестрый пѣтушекъ.

Но смолкъ твой братъ, а шпорка не готова,
Не дожилъ онъ до боя пѣтуховъ...
Что-жь ты начнешь? Затянешь дѣло снова.
Иль твердо вскроешь лѣтопись вѣковъ?

Прочти же въ ней, какъ пламенемъ и кровью
Господь вписалъ тамъ: «фàресъ» и «манѝ», *)
И какъ Христосъ, со скорбью и любовью.
Взывалъ съ Креста: «ламà савахѳанѝ!»

О, тѣмъ-же кликомъ полны всѣ Балканы!..
Простри-жь скорѣй надъ ними крестный щитъ:
И заживутъ у мучениковъ раны,
И славянинъ тебя благословитъ.

31 декабря 1876.

*) „Раздѣлено“ и „окончено“, извѣстное пророчество Даніила о паденіи царства персидскаго (гл. V, 25—28).

II.

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА.

1877–1878.

„Alea jacta est!“

Ю. Цезарь.

„Ne dites jamais: A demain,
Pour adoucir une blessure!“

U. Chevreau.

XX.

ПОДЪ ЗНАМЕНЕМЪ ДИМИТРІЯ ДОНСКАГО.

(Боевая славянская пѣсня).

Пламя
Роднаго
Славянскаго дѣла
Выше, все выше и краше встаетъ.
Знамя
Донскаго,
Вѣй гордо и смѣло, —
Братья, за крестъ и свободу впередъ!

*
* *

Время
Приспѣло
Съ турецкимъ Мамаемъ,
Съ лютой турецкой сразиться ордой;
Сѣмя
Созрѣло,
Мы плодъ собираемъ:
Дѣти, за предковъ замученныхъ въ бой!

*
* *

Риньтесь,
Летите
Въ послѣднюю битву,
Крестъ заслоните гранитной стѣной;
Сдвиньтесь,
Творите
Святую молитву:
Смотритъ на всѣхъ насъ Димитрій Донской.

***

Воды
Непрядвы,
Смѣшайтесь съ Моравой,
Сербской рѣкой, затонувшей въ крови;
Годы
Неправды
И розни лукавой,
Сгиньте въ лучахъ всеславянской любви!

***

Пламя
Святое,
Нашъ путь озаряя,
Чуднымъ столпомъ передъ нами иди:
Знамя
Донское,
Каратель Мамая,
Къ славѣ и счастью дружины веди!

***

Съ гордымъ
Мадьяромъ,
Славянъ лиходѣемъ,
Съ жаднымъ британцемъ сочтемся потомъ:
Твердымъ
Ударомъ
Сломить ихъ успѣемъ,—
Каждое лыко имъ въ строку вплетемъ!

*
* *

Жарко
Согрѣло
Своими лучами
Солнце единства славянскій народъ;
Ярко
Зардѣло,
Взыграло надъ нами...
Братья, за Бога и правду впередъ!

23 апрѣля 1877.

XXI.

ЗЕЛЕНОЕ ЗНАМЯ.

Тарарахъ, тахъ-тахъ-тахъ, прогнѣвился Аллахъ!
Черногорцы лютѣе звѣрей:
То насъ топятъ въ рѣкахъ, то съ горы чубу-
рахъ!
Поскорѣй на утекъ, посмѣлѣй!

—

Сколько тысячъ онѣ въ незадавніе дни
Насъ въ провалъ поспускали со скалъ!
Ай-да вѣжливый родъ, европейскій народъ,—
Неотесаннымъ, грубымъ ты сталъ.

—

Черногорцы твердятъ: «намъ стрѣлять не велятъ,
Князь-отецъ скуповатъ на свинецъ;
Не про турка зарядъ, съ нимъ сподручнѣй булатъ,
Иль хвати кулакомъ—и конецъ!»

—

О-хо-хо, Магометъ, просто моченьки нѣтъ:
Какъ овецъ, эти люди насъ бьютъ;
Встанутъ рано, чуть свѣтъ, зорко выслѣдятъ слѣдъ
И то въ тылъ, то впередъ намъ зайдутъ.

—

Всѣмъ сестрамъ по серьгамъ Маша Вырбица *) намъ
Подарилъ, много турокъ сгубилъ;
Поскорѣй-бы домой намъ отъ Маши такой,—
Съ этой Машей возиться нѣтъ силъ.

—

Вотъ, какъ тигръ, онъ сидитъ, хищно съ камня глядитъ,
Не мелькнетъ-ли турецкій шакалъ;
А турецкій шакалъ хвостъ и уши поджалъ,
На барановъ онъ только удалъ.

—

Много снялъ ты съ насъ шкуръ, черногорскій гяуръ,
Но на-дняхъ порѣшимъ мы съ тобой...
Тарарахъ, тахъ-тахъ-тахъ, чубурахъ, чубурахъ!
О-хо-хо, бейте, братцы, отбой?

—

Погоди-жь, погоди, наша рѣчь впереди,
Намъ за знаменемъ надо сходить:
За зеленой фатой отъ Аиши святой,
Иль за юбкой ея, можетъ быть!**)

—

*) Имя и прозваніе этого славянскаго военачальника пишутъ у насъ тоже Мацо и Врбица.

**) Аиша—одна изъ любимѣйшихъ женъ Магомета, который, по преданію, во время какой-то битвы 615 года сорвалъ со своей красавицы зеленую фату и сдѣлалъ изъ нея знамя для войска. По другому, болѣе вѣроятному, сказанію, зеленое знамя составляло завѣсу шатра Аиши, въ которомъ умеръ Магометъ.—Недавно сперва въ австрійскихъ, а затѣмъ и въ

Въ этой юбкѣ намъ данъ дорогой талисманъ:
Даръ побѣдъ въ ней зашилъ Магометъ;
Что, Москва, ты дрожишь? Погоди-жь, погоди-жь,
Завоюемъ мы юбкою свѣтъ!

—

Чудной юбкой Стамбулъ крѣпче пушечныхъ дулъ,
Биконсфильдъ передъ нею—въ пыли;
Слышишь клики и гулъ: это юбкѣ въ Стамбулъ
Поклониться мадьяры пришли.

—

Развернется она,—вновь заблещетъ луна,
Самъ Пророкъ грозно юбкой взмахнетъ;
Передъ нею Гамидъ на враговъ запищитъ,
И въ присядку пойдетъ Эллiотъ.

—

Помогай-же, Аллахъ, ты великъ въ чудесахъ!..
Ужь не русскiя-ль мчатся войска?
О-хо-хо, тахъ-тахъ-тахъ, притаимся-жь въ кустахъ,
Ни гу-гу, оттоманы, пока!

—

другихъ газетахъ было напечатано извѣстiе изъ Бѣлграда, что зеленое знамя за нѣсколько лѣтъ до этого куплено у сторожа мечети (гдѣ оно хранилось) какимъ-то итальянцемъ и находится теперь въ туринскомъ музеѣ. Если извѣстiе справедливо, то турки значитъ и не могли развернуть знамени Пророка.

Впрочемъ, пусть ихъ идутъ! Смерть полки ихъ найдутъ,
Тяжела у Пророка рука;
Броненосцы ихъ ждутъ, весь Дунай стерегутъ...
Это что-жь застонала рѣка?

—

Что за грохотъ и трескъ, что за дымъ, что за блескъ?
Броненосцы на воздухъ летятъ!
Магометъ, нашъ отецъ, да взгляни-жь наконецъ,
Что невѣрные съ нами творятъ!

—

Черногорцы въ провалъ насъ спускали со скалъ
Иль топили въ рѣкахъ нашу рать;
А московы пришли—крылья намъ принесли,
И мы стали какъ птицы летать.

25 мая 1877.

XXII.

НАШИМЪ ПЛАКАЛЬЩИКАМЪ.

„Не посрамимъ земли русской!"

Еще не перешла Россія за Дунай,
Еще вдали часы отмщенья не пробили,
А вы ужь плачете, домашнія Рахили,
И съ воплемъ ужаса кричите ей: «кончай!»

Чего-же надо вамъ? Уступокъ и терпѣнья,
Борьбы за недруговъ и нищенской сумы!
Не долго-ль въ вѣковыхъ веригахъ всесмиренья
Посмѣшищемъ Европы были мы?

Уже давно, давно кровь русскаго народа
За все нерусское потоками неслась:
Лилась она во дни тринадцатаго года
И въ дерзкой Венгріи за Австрію лилась.

Пора-жь, на зло врагамъ, сплотиться намъ, славянамъ,
Пора сорвать съ себя остатки рабскихъ узъ;
На страхъ мадьярщинѣ и бриттамъ, и османамъ,
Единствомъ крови твердъ и крѣпокъ нашъ союзъ.

А вы, о чемъ-же вы, печальники, скорбите,
Какихъ еще чудесъ вы думаете ждать,
Какихъ еще друзей и недруговъ хотите?
Не генераловъ-ли намъ въ Турцію послать —

Спасать гаремъ и тронъ разшатанный султана,
Султанскихъ евнуховъ усердно сторожить,
Блюсти за прочностью султанскаго дивана
И прелести супругъ Гамидовыхъ хранить?

Не поклониться-ли пренизко папѣ Пію,
Не туфли-ль папскія скорѣй облобызать
И во сто первый разъ остановить Россію,
Чтобъ во сто первый разъ ее подвинуть вспять? *)

Господь васъ вразуми,—вы судите неправо:
Позорите вы насъ, и стыдно, плаксы, вамъ;
На этотъ разъ прочнѣй наслѣдникъ Святослава
Прибьетъ свой древній щитъ къ царьградскимъ воротамъ.

Пускай грозятъ враги! Отъ грома ихъ проклятій
Съ дороги не свернетъ нашъ всеславянскій строй;
Мы имъ покажемъ мощь окрѣпнувшихъ объятій
Дѣтей одной семьи и матери одной.

---

*) Мы здѣсь подразумѣваемъ длинный рядъ историческихъ обстоятельствъ, которыя со времени удѣльной системы и мон-

Не остановятъ насъ ни горы, ни пучины,
Ни клеветы враговъ, ни ихъ безсильный вой;
Ни броненосцевъ ихъ стальные кринолины:
Свершится приговоръ, начертанный судьбой!

А что-жь потомъ?.. Къ чему догадки и сомнѣнья,
И слишкомъ ранніе вопросы на устахъ?
Судьбы родныхъ славянъ и знамя ихъ спасенья
Въ надежныхъ, кажется, находятся рукахъ...

Не помрачимъ-же мы разсвѣта жизни новой
Нелѣпой вѣрой въ слухъ, что милой намъ странѣ
Уже готовы сплесть другой вѣнецъ терновый:
Индѣйско-англійской отдать ее лунѣ.

О грѣхъ, великій грѣхъ, когда горитъ заря,
Звать снова мракъ на блескъ ея лучей алмазныхъ,
И грѣхъ, съ лукавыхъ словъ британскихъ «Теймсовъ»
разныхъ,
Славянамъ клеветать на русскаго Царя!

5 іюня 1877.

гольскаго ига неблагопріятно слагались для судебъ нашего отечества и, по необходимости, задерживали естественный ростъ его въ качествѣ великой европейской и славянской державы.

XXIII.

СЕРБАМЪ.

Спасибо, братья! Чуткіе къ страданьямъ
Своей семьи, вы ринулись на бой
Славянскихъ молній утреннимъ блистаньемъ,
Славянской бури первою волной!

—

Вы шли на смерть и турокъ не считали,
Съ сохой на мечъ вся Сербія неслась:
Вы пали, да, но вы не даромъ пали:
За вами Русь, какъ море, поднялась.

—

Отъ мукъ и язвъ родныхъ славянъ страдая,
Она сдержать любви къ нимъ не смогла;
И потекла за берегà Дуная,
И къ берегамъ Евфрата потекла.

—

Она зальетъ костровъ турецкихъ пламя,
Она снесетъ османовъ съ ихъ плотинъ
И водрузитъ святое наше знамя
Вездѣ, гдѣ живъ и ждетъ насъ славянинъ.

—

Забудьте-жь турокъ, пусть сочтутся съ нами!
Но вамъ съ орлами грозныхъ Черныхъ горъ,
Покрытыхъ славы яркими лучами,
Готовъ другой и подвигъ, и дозоръ!

—

На Западъ, братья, пристально глядите,
Гдѣ намъ куютъ, быть можетъ, новый ковъ,
И пауковъ мадьярскихъ сторожите,
Пока мы бьемъ турецкихъ пауковъ!

—

Пора-бъ рѣшить съ мадьярской паутиной:
Она ужь очень плотно налегла
На насъ, славянъ,—и знаетъ Богъ единый
Коварныхъ венгровъ темныя дѣла.

—

О, пусть мадьяръ за первенство не споритъ
Съ «сынами Славы», взросшими въ борьбахъ,
И пусть земли славянъ не опозоритъ
Мухтаръ-паша въ венгерскихъ сапогахъ!*)

—

Она свята̀ своихъ страдальцевъ кровью,
Она мила̀ свободною сынамъ,
Она тверда̀ ихъ пламенной любовью,—
И нѣтъ въ ней гнѣздъ мадьярскимъ паукамъ!

20 іюня 1877.

---

*) Эти сапоги усердно принесены въ даръ Мухтару-пашѣ однимъ пештскимъ сапожникомъ, поклонникомъ его бранныхъ подвиговъ въ Европѣ.

XXIV.

ЧЕРНОГОРЦЫ.

Нутко, князь Николай, подмогай, подмогай!
Ты у насъ молодецъ, черногорецъ лихой:
Свой ханджаръ обнажай, свой народъ созывай,
Двадцать тысячъ бойцовъ—сорокъ тысячъ съ тобой!

* *
*

Двадцать тысячъ твоихъ черногорскихъ орловъ
Двѣсти тысячъ забьютъ ястребовъ, соколовъ,
А воровокъ-сорокъ и крикливыхъ воронъ
Да другой мелкоты—заклюютъ милліонъ.

* *
*

Не тебя намъ учить супостата разить,
Вѣдь ты помнишь наказъ и обычай отцовъ;
Надо знаючи сѣчь: разомъ голову съ плечъ,—
Не-то мало снесемъ мы турецкихъ головъ.

* *
*

Да и, къ слову сказать, такъ легко умирать;
Турокъ—звѣрь, но зачѣмъ намъ и звѣря томить?
Будетъ плакаться вѣкъ, что жестокъ человѣкъ:
Такъ не лучше-ль заразъ намъ съ врагомъ порѣшить!

* *
*

Помнишь, сколько Новакъ *) уложилъ бусурманъ,
Сколько турокъ посѣкъ нашъ Джуровичъ, Иванъ? **)
Да и всѣ-то мы, князь, не ударили въ грязь,
И не даромъ прошелъ туркамъ Вучій нашъ Долъ.

* *
*

Ятаганъ росписной получилъ твой герой,
Въ память силы своей, отъ московскихъ друзей:
Русскій братъ нашъ могучъ, онъ намъ хочетъ добра,
Но ужь много на сталь наложилъ серебра!

* *
*

Лучше-бъ выслать друзьямъ больше хлѣба бойцамъ,
Чтобъ намъ было чѣмъ жить, женъ и дѣтокъ кормить,
И сиротъ-бѣглецовъ изъ славянскихъ домовъ
Въ черногорской семьѣ напитать, пріютить!..

* *
*

Недосугъ разсуждать, въ ятганы опять!
Девять дней и ночей, отъ зари до зари,
Мы крошили враговъ и надъ грудой головъ
Гибли наши бойцы, нашихъ силъ главарі!

* *
*

Знатно туркамъ за Крстацъ отплатилъ Пламенацъ:
Какъ огнемъ онъ ихъ жегъ, какъ траву ихъ косилъ!
И Петровичъ помогъ: отстоялъ онъ Острогъ,
А гдѣ Лазарь ходилъ—рядъ турецкихъ могилъ!

* *
*

*) Тѣлохранитель князя, перьяникъ Новакъ, убилъ 17 турокъ.
**) Старикъ Милошъ Джуровичъ и его два сына отняли у непріятеля знамя и обезглавили 23 турка.

Ну, за то-жь и несетъ тебѣ даръ твой народъ:
Много тысячъ враговъ на утесахъ лежитъ;
Кровь удобритъ поля, и родная земля
Щедро насъ черезъ годъ за труды наградитъ!

* *
*

Слышишь стоны кругомъ, всюду плачъ, что ни домъ?
Это матери вопль, стонъ вдовы молодой!..
Самъ ты знаешь, бабье, имъ безъ слезъ не житье:
Не мѣшай-же имъ, князь, и прости ихъ, родной!

* *
*

Понаплакавшись всласть, станутъ вновь онѣ прясть,
За больными ходить, намъ ханджары точить,
Въ гору ноши таскать, всѣ работы справлять
И не хуже бойцовъ рѣзать лютыхъ враговъ!

* *
*

Да и время-ли ныть, надо дѣломъ спѣшить:
Снова, князь, подмогай, рать на бой ополчай!
Святорусскій народъ къ намъ на встрѣчу идетъ,
И другой Николай перешелъ за Дунай.

* *
*

Гдѣ-же встрѣча бойцамъ, гдѣ свиданье вождямъ?
Гдѣ-то руку подастъ князю князь предъ врагомъ
И, подъ сѣнью знаменъ двухъ славянскихъ сторонъ,
Поклянутся князья: «побѣдимъ или умремъ»?

24 іюня 1877.

XXV.

АХЪ, СУЛТАНЪ, ГОЛОВА НЕРАЗУМНАЯ.

(РУССКАЯ ПѢСНЯ).

Ахъ, султанъ, голова неразумная:
Какъ у бабъ и ребятъ, малодумная!
Ну зачѣмъ, тебя спросимъ съ почтеніемъ,
Взбудоражилъ ты насъ объявленіемъ,

Что ты разными хочешь манерами
Запастись на Руси офицерами?
Имъ два чина даешь въ повышеніе,
Два оклада сулишь въ награжденіе?

Вотъ и охай теперь! Слухи носятся:
Поголовно къ тебѣ въ гости просится
Офицерская рать, снаряжается,
И самъ Царь-Государь собирается!

Есть-ли имъ у тебя помѣщеніе?
Вѣдь давно промоталъ ты имѣніе,
И казны золотой мало водится,—
Такъ морочить-то свѣтъ не приходится.

Иль въ Царьградъ насъ пустить ты рѣшаешься
И на «рыжихъ» съ метлой ополчаешься,
Чтобъ домой протурить ихъ проворнѣе
И квартиры намъ дать попросторнѣе?

Охъ, султанъ, голова слабоумная,
Какъ у бабъ и ребятъ, малодумная:
Намъ якшаться съ тобой не приходится
И за «рыжихъ» служить не доводится.

2 іюля 1877.

XXVI.

КАЗАНЛЫКСКІЯ РОЗЫ

Розы казанлыкскія, нѣжныя, прекрасныя,
Широко̀ раскинулись у Балканскихъ горъ:
Беззаботно смотрятся въ воды Тунджи ясныя
И народа-узника утѣшаютъ взоръ.

Рѣзвой зыбью по̀-вѣтру ихъ головки клонятся,
Ароматомъ путниковъ щедро обдаютъ;
Тамъ, гдѣ жены, дочери отъ враговъ хоронятся,
Лишь онѣ, красавицы, не таясь цвѣтутъ.

И не знаютъ, бѣдныя, что надъ ихъ полянами
Долго кровь невинная, какъ ручьи, текла,
Что растутъ-качаются розы надъ курганами,
Что изъ слезъ да гибели ихъ краса взошла!

Тамъ, гдѣ слезы капали—блещутъ розы бѣлыя,
Рдѣютъ розы алыя—гдѣ лилася кровь;
На могилахъ зыблются и колосья спѣлые,
И вѣнцы каштановыхъ молодыхъ лѣсовъ...

Такъ и ты, несчастная сторона Болгарская,
Вновь изъ пепла розою ярко разцвѣтешь,
Облечешься въ золото, какъ невѣста царская,
И во храмы Божіи подъ трезвонъ пойдешь.

4 іюля 1877.

XXVII.

ПѢСНИ СЛАВЫ.

(Послѣ іюльскаго перехода за Балканы).

I.

Священное знамя родимой земли
Побѣдно шумитъ за Дунаемъ;
Какъ лава, полки за Балканъ потекли
Несчастнымъ, замученнымъ краемъ:
Нетлѣнною славой покрыты бойцы,
Имъ чуть не возносятъ кумиры...
Но что-же молчите вы, наши пѣвцы,
И съ вами безмолвствуютъ лиры?

«О чемъ-же намъ пѣть? Много пѣли мы одъ
И славили Русь въ диѳирамбахъ;
Но оды не въ модѣ: къ нимъ глухъ нашъ народъ,
Воспѣтый въ хореяхъ и ямбахъ.
Впередъ, все впередъ онъ безстрашно идетъ,
Весь міръ его подвигамъ тѣсенъ!..
Не терпится что-то, молчанье гнететъ:
Попробуемъ нѣсколько пѣсенъ!»

II.

«Какъ нынѣ Дунай наша рать перешла,
Исполнилось мощное слово,
Свершились сподвижниковъ славныхъ дѣла!..»
Но это давно ужь не ново.
Вѣка мы привыкли ходить за Дунай:
Была за нимъ наша дружина
Съ Суворовымъ, бравшимъ не разъ Туртукай, *)
И съ дивнымъ героемъ Батына,

Съ Кутузовымъ, сжавшимъ могучимъ кольцомъ,
Вблизи Слободзеи, османовъ,
И съ Дибичемъ, внесшимся грознымъ орломъ
Въ проходы стремнистыхъ Балкановъ.
Тотъ мостъ, что теперь за Дунай намощенъ,
Намъ строили предки вѣками:
На русскихъ костяхъ гордо высится онъ
И русскими крѣпокъ костями.

---

*) Крѣпость Туртукай (въ переводѣ Суворова: „стой тутъ конь!“) была взята нами три раза: дважды Суворовымъ въ первую турецкую войну императрицы Екатерины II, а потомъ — графомъ Н. М. Каменскимъ, побѣдителемъ турокъ при Батынѣ (1810 г.). Молодецкіе поиски Суворова на Туртукай были подробно описаны многими (Дюбокажемъ, Лаверномъ, Антипгомъ, Бутурлинымъ) и послужили обильнымъ матеріаломъ для собирателей анекдотовъ о князѣ Италійскомъ (Фукса, Бунакова, С. Глинки и пр.). О томъ-же писали Полевой, Булгаринъ

Такъ предковъ-бы надо сперва помянуть,
  Отпѣть неотпѣтую силу,
Отважно потомкамъ открывшую путь
  Къ стѣнамъ Рущука, къ Измаилу!
Она покорила Дунай и Балканъ,
  Она въ насъ трепещетъ и дышетъ,
Хоть вѣтеръ горячихъ полуденныхъ странъ
  Надъ нею ковыль лишь колышетъ.

III.

«Какъ нынѣ на турокъ впередъ и назадъ
  Стрѣлой Тергукасовъ летаетъ,—
А турокъ-то много: самъ-десять, самъ-пятъ
  На нашихъ бойцовъ напираетъ;
То Гейманъ, то Меликовъ въ битву спѣшитъ
  И ночи, безъ сна и безъ крова,
Стоглаваго змѣя усердно разитъ!..»
  Но это вѣдь тоже не ново.

и особенно — Фридрихъ Смиттъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: „Суворовъ и паденіе Польши" (русскій переводъ подъ редакціею князя Голицына, Спб., 1866, ч. I, отд. 3-й).

Къ сожалѣнію, всѣ эти разсказы не отличаются историческою вѣрностью, преимущественно въ отношеніи къ первому поиску на Туртукай въ ночь съ 9-го на 10-е мая 1773 года. Суворовъ не былъ отданъ подъ судъ за взятіе Туртукая, которое напротивъ входило въ планы графа Румянцева, и, сидя на барабанѣ, не писалъ главнокомандовавшему своего знаменитаго донесенія:

Враговъ не считать насъ давно научилъ
  Великій въ побѣдахъ Румянцевъ:
Онъ первый на турокъ безстрашно ходилъ
  Безъ всякихъ рогатокъ и шанцевъ;
Свидѣтели: Ларга, Очаковъ, Кагулъ!
  Въ глазахъ у вождей не троилось,
И мира просилъ у Россіи Стамбулъ,
  Хоть мало насъ съ турками билось.

IV.

«Какъ нынѣ Дубасовъ и съ нимъ Шестаковъ
  Подводятъ подъ нехристей мины,
Какъ Скрыдловъ, Тудѐръ и толпы моряковъ
  Турецкіе рвутъ кринолины!..»
И слава, и честь молодцамъ-морякамъ,
  Имъ теплое русское слово!
Но это вѣдь тожь не въ диковинку намъ:
  Нахимова вспомнимъ, Орлова!

«Слава Богу, слава вамъ!
Туртукай взятъ, и я тамъ!»

Наконецъ, графъ Румянцевъ не посылалъ этого донесенія императрицѣ и не писалъ ей: „вотъ безпримѣрный лаконизмъ безпримѣрнаго Суворова, который старается увѣрить, что онъ глупъ, — но Европа не вѣритъ!“

Въ 1851 году въ черниговскомъ губернскомъ архивѣ были найдены разныя подлинныя бумаги военно-походной канцеляріи графа Румянцева-Задунайскаго, въ томъ-же году отправленныя для разбора въ Кіевъ и послужившія подполковнику генеральнаго штаба Саковичу источниками для двухъ основательныхъ статей о ночныхъ экспедиціяхъ Суворова на Тур-

Счастливцы! Вамъ выпалъ удѣлъ—до всѣхъ насъ
Напомнить Европѣ лукавой,
Что въ рускомъ народѣ еще не угасъ
Сіяющій давнею славой
Духъ подвиговъ, смѣлый и грозный въ бояхъ,
Орды Чингисхана сразившій,
Орловъ Бонапарта втоптавшій во прахъ
И турокъ два вѣка громившій.

V.

Довольно-бы славы! Намъ нуженъ итогъ
Кровавой и долгой работы:
Народъ нашъ не даромъ потекъ на востокъ,—
Съ собой захватилъ онъ и счеты!
Что сѣяли предки—пора намъ пожать:
Подъ знаменемъ честной державы,
За честнымъ разсчетомъ идетъ наша рать,
Наслѣдница дѣдовской славы!

тукай съ 9-го на 10-е мая и съ 17-го на 18-е іюня. Эти статьи были напечатаны въ №№ 4-мъ и 5-мъ „Военнаго Журнала" за 1853 годъ (стр. 87—157 и 65—93).

Оказывается, что Суворовъ, слава котораго тогда еще только начиналась, доносилъ о взятіи Туртукая не Румянцеву, а своему непосредственному начальнику, графу Салтыкову. Донесеніе писано карандашомъ на клочкѣ бумаги и заключается въ слѣдующихъ словахъ:

„Ваше сіятельство, мы побѣдили! Слава Богу, слава вамъ!" *А. Суворовъ.*

Современники очевидно воспользовались второю половиною этого донесенія и присочинили къ ней стихъ:

«Туртукай взятъ, и я тамъ!»

И если мы вѣрно всѣ счеты сведемъ
Съ исконнымъ противникомъ нашимъ,—
Не только побѣдную пѣснь воспоемъ,
Но даже въ восторгѣ запляшемъ,
Какъ царь-псалмопѣвецъ плясалъ, не стыдясь,
Предъ ветхимъ ковчегомъ Завѣта...
Надъ Шипкою алая зорька зажглась,—
Дождемся-же солнца и свѣта!

Думаютъ, что Фуксъ, бывшій секретарь Суворова, слѣдовательно авторитетъ довольно вѣскій, критически не провѣривъ происхожденія двустишія, первый внесъ его въ свои сочиненія и сдѣлался виновникомъ повсемѣстнаго распространенія этой позднѣйшей подделки подъ своебразный языкъ нашего геніальнаго чудака-генералиссимуса. Однако въ изданныхъ Фуксомъ „Анекдотахъ князя Италійскаго, графа Суворова-Рымникскаго“ (Спб., 1827), на которые почему-то ссылается Саковичъ, мы этого двустишія не нашли.

Нѣтъ его, конечно, и въ прибавленіяхъ къ 47-му № „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ за 1773 годъ, въ которыхъ, съ донесенія Салтыкова Румянцеву, очень подробно описано взятіе Туртукая Суворовымъ.

Впрочемъ, окончаніе 2-го стиха „и я тамъ!“ уже давно начало возбуждать сомнѣнія. Суворовъ писалъ свою реляцію почти въ минуту выхода изъ Туртукая, въ которомъ онъ пробылъ не болѣе 5 часовъ. Зачѣмъ-же онъ пишетъ: „*я тамъ*“? допытывались нѣкоторые изслѣдователи.

Тогда, для защиты подлинности нравившейся реляціи, разные смѣлые люди обратились къ другому средству. Стали утверждать, что вмѣстѣ съ Туртукаемъ Суворовъ тоже взялъ укрѣпленное турецкое селеніе Ятамъ и что 2-й стихъ донесенія слѣдуетъ писать такимъ образомъ:

«Туртукай взятъ и Ятамъ!»

До времени-жь будемъ о жертвахъ мы пѣть,
Погибшихъ въ войнѣ искупленья;
О мертвыхъ и раненыхъ тихо скорбѣть,
Ихъ славу блюсти отъ забвенья!
Надъ ними вся Русь со слезами стоитъ
Сестрой милосердія нѣжной;
Но въ этихъ слезахъ упованье горитъ
И твердость души безмятежной.

14 іюля 1877.

Но, не смотря на долгіе и усердные поиски, никакого Ятама около Туртукая не отыскали, такъ что намъ, въ виду подлиннаго суворовскаго донесенія графу Салтыкову, приведеннаго Саковичемъ (IV, 134), остается признать, что поэтическое произведеніе Суворова о Туртукаѣ — вымыселъ.

Замѣчательно, что нѣкоторыя изъ памѣченныхъ здѣсь невѣрностей въ описаніяхъ перваго суворовскаго налета на Туртукай встрѣчаются и въ XIII томѣ „Военно-Энциклопедическаго Лексикона“ изданія 1857 года, хотя Саковичъ еще въ 1853 году печатно исправилъ эти невѣрности по подлиннымъ документамъ. Значитъ, на его трудъ своевременно не обратили должнаго вниманія даже и спеціалисты.

XVIII.

ПЕСТРЫЙ САРАФАНЪ.

Не шей ты намъ, Австрія,
Пестрый сарафанъ,
Не входи, красавица,
Попусту въ изъянъ!
Намъ не нуженъ, милая,
Сарафанъ чужой:
Есть у насъ хоть простенькій,
Да за-то вѣдь свой.
Новъ онъ какъ съ иголочки,
Нѣтъ въ немъ пестроты...
О себѣ подумай-ка:
Обносилась ты!

И не въ модѣ, матушка,
Пестрый твой нарядъ;
Слушай-ка, что добрые
Люди говорятъ:
Запасися шляпками,
«Трены» выпускай
И «мамзелью» ряженой
Въ Пратерѣ гуляй!

Полно тебѣ пташечкой
«Ноты» распѣвать,
Легкокрылой бабочкой
Надъ огнемъ порхать!
Старое-же платьеце
Распороть вели
И скорѣй по-божески
Вотъ какъ подѣли:
Чехамъ, сербамъ съ братіей—
Станъ за долгій постъ;
Нѣмцамъ—клинья съ поясомъ
А мадьярамъ—хвостъ!
Вѣкъ они, прихвостники,
Только пыль мели;
За славянъ цѣплялися
Иль за нѣмцемъ шли!..

Что-же будетъ далѣе,
Кто возьметъ Тріестъ?
Ну, Тріестъ Италія
Съ апетитомъ съѣстъ.

26 іюля 1877.

XXIX.
ПЛЕВНА.

Замолкла битва, сумракъ наступилъ
И скрылъ вдали турецкія палатки;
Угрюмо шли родныхъ полковъ остатки
Отъ незарытыхъ плевненскихъ могилъ.

Нѣтъ силъ въ ногахъ, нѣтъ воздуха въ груди:
Полки томятъ усталость, раны, голодъ;
И стынетъ кровь, бросаетъ въ жаръ и холодъ
Отъ тяжкихъ стоновъ, слышныхъ позади.

А тамъ, на поле смерти и скорбей,
При вопляхъ жертвъ, при заревѣ пожаровъ,
Спустилась туча страшныхъ санитаровъ:
Гіены, тигры — въ образѣ людей!

Какъ серпъ, они страдальцевъ нашихъ жнутъ,
Ихъ дорѣзаютъ, мучатъ безпощадно
И, отсѣкая головы злорадно,
Все дальше съ дикимъ хохотомъ бѣгутъ.

Дымится русской кровью ихъ булатъ;
Они убитыхъ грабятъ, обнажаютъ
И только ружья русскія кидаютъ:
«Не надо, наши лучше», говорятъ.

Вверху-жь... мелькаютъ тысячи тѣней
Бойцовъ, родной рукой не погребенныхъ:
Растерзанныхъ, добитыхъ, оскверненныхъ
Надеждъ дѣтей и женъ, и матерей!

Въ сознаньи жертвы суетной своей
Уныло смотрятъ трепетныя тѣни,
И горьки имъ послѣднія ступени
Къ странѣ, гдѣ нѣтъ ни воплей, ни скорбей!..

Родимый край, за кровь твоихъ сыновъ
Никто, никто воздать тебѣ въ силахъ;
Они лежатъ въ невѣдомыхъ могилахъ
Безъ надписей, безъ плитъ и безъ крестовъ.

Но ты силенъ, чтобъ туркамъ отомстить
И за дѣтей замученныхъ Россіи
Торжественно въ стѣнахъ святой Софіи
Великую обѣдню отслужить!

Туда, туда зовутъ славяне насъ
И долго ждутъ, грызя свои оковы...
Когда-жь мы будемъ къ подвигу готовы,
Когда-жь пробьетъ благословенный часъ?

28 іюля 1877.

XXXII.

ЧТО ТАКЪ ЖАДНО ГЛЯДИШЬ НА ДОРОГУ?

Что такъ жадно глядишь на дорогу
Ты, родная моя сторона?
Помолись поусерднѣе Богу,
Жди, покоя и силы полна!

Положись на дружины густыя
Православныхъ безстрашныхъ бойцовъ,
Одолѣвѣвшихъ Балканы крутые
И нигдѣ не считавшихъ враговъ!

Скоро солнце сквозь темнеть проглянетъ,
Вновь заблещетъ съ Балканскихъ высотъ, —
И молчать твоя рать перестанетъ,
И желанныя вѣсти пришлетъ.

Или Плевна смутила? Терпѣнье!
Тамъ и тѣнь неразлучно, гдѣ свѣтъ;
Нѣтъ, родная, безъ жертвъ искупленья,
И безъ горечи радостей нѣтъ.

Вѣрь въ любовь, въ силу крѣпкую нашу,
Вѣрь, что жизнь намъ лишь честью красна,—
И одни мы славянскую чашу,
Безъ Европы, осушимъ до дна.

Вѣрь, что въ подвигѣ славномъ и строгомъ
Не напрасно течетъ наша кровь,
И не даромъ текутъ передъ Богомъ
Слезы русскихъ страдалицъ и вдовъ!..

Не гляди-жь день и ночь на дорогу,
Будь покойна, тверда и ясна!
Просвѣтлѣетъ кругомъ понемногу,
Встанетъ солнце, потухнетъ луна.

6 августа 1877.

ПРОЩАНЬЕ.

XXXIII.

ПОДРАЖАНІЕ ФИНСКОЙ РУНѢ: „Mistäs tulet“.

(Посвящается русскимъ профессорамъ-дипломатамъ въ родѣ автора брошюры: „Étude historique sur la politique russe dans la question d'Orient“ и другимъ нашимъ международникамъ).

«Ты куда-же, сынъ мой милый?»
Къ Царюграду, мать,
Вражью силой русской силой
За славянъ карать!

«Путь твой дологъ, путь твой дологъ;
Вдругъ навѣкъ съ тобой
Порѣшитъ, мой сынъ, осколокъ
Бомбы пудовой?»

—Что же, пусть ее рѣшаетъ!
Погляди, въ походъ,
Намъ на смѣну, выступаетъ
Весь родной народъ.

Много врагъ снарядовъ тратитъ,
Многихъ бьетъ вокругъ,

Но на всю-то Русь не хватитъ
Ни огня, ни рукъ!

«На кого-жь меня покинешь,
Ненаглядный мой?
На чужихъ рукахъ остынешь,
На землѣ чужой.»

—Мать, довольно слезъ и стоновъ!
Помни, сына кровь
Полусотню милліоновъ
Дастъ тебѣ сыновъ.

«А мадьяры, англичане,
Ихъ угрозы, вой?»
—Разобьютъ, ихъ христіане
Разнесутъ ихъ строй.

«Ну, а ноты, дипломаты,
Ихъ чернилъ рѣка?»
—Дипломаты тороваты
Только до штыка!

На войну съ собой ихъ взяли,
Крѣпко держатъ тамъ,
Чтобы, знаешь, не мѣшали
Нашимъ молодцамъ.

XXX.

МОЛИТВА.

О, разгони густой нашъ мракъ,
Владыко разума и свѣта:
Пусть не глумится дерзкій врагъ
Надъ мощью русскаго обѣта!

О, просвѣти, Господь, вождей,
На даль и тьму раскрой ихъ взоры;
Валы родимыхъ рѣкъ разлей,
Воздвигни силъ родимыхъ горы!

Онѣ давно лишь зова ждутъ,
Томятъ насъ жертвъ напрасныхъ стоны:
Тамъ сотни тысячъ не спасутъ,
Гдѣ въ мукахъ гибнутъ милліоны,

Гдѣ каждый нашъ попятный шагъ
Залитъ страдальческой ихъ кровью,
И поголовно рѣжетъ врагъ
Народъ, принявшій насъ съ любовью

Пусть славянинъ и армянинъ
Не шлютъ укоровъ намъ отнынѣ,
Пусть встанетъ русскій исполинъ
Во весь свой ростъ, во всей твердынѣ!

Народъ нашъ ждетъ, народъ готовъ
Съ заката солнца до восхода,
И не потерпитъ онъ оковъ
Единокровнаго народа...

О, разгони-жь густой нашъ мракъ,
Владыко разума и свѣта:
Пусть не глумится дерзкій врагъ
Надъ мощью русскаго обѣта!

Идутъ сыны Твои, идутъ,
Господь, къ побѣдѣ иль въ могилу;
Сверши-жь съ османами нашъ судъ
И двинь впередъ всю нашу силу!

Скорѣй сними съ нея покровъ,
И пусть, какъ солнцемъ озаренный,
Сверкнетъ потокъ Твоихъ полковъ
Передъ Европой изумленной!

4 августа 1877.

XXXI.

РУССКІЕ ТРІОЛЕТЫ

(въ отвѣтъ на англійскіе мадригалы).

„CARTHAGO DELENDA!“

1.

Насъ подъ Плевной Турція разбила,
Но ее въ Царьградѣ мы добьемъ;
«Не безъ пользы», скажемъ мы притомъ,
«Насъ подъ Плевной Турція разбила!»
Всколыхнулась грозно наша сила,
Мы свое, на зло врагамъ, возьмемъ...
Насъ подъ Плевной Турція разбила,
Но ее въ Царьградѣ мы добьемъ.

2.

Долго съ нею Австрія шепталась
И хитро обманывала насъ;
Но и нашъ наступитъ скоро часъ...
Долго съ нею Австрія шепталась!
Вѣдь и ей не мало доставалось,—
Попритихнетъ съ Турціей заразъ...
Долго съ нею Австрія шепталась
И хитро обманывала насъ.

3.

Англичане тоже помогали,
Падокъ лордъ-купецъ на барыши;
Потому и дерзки такъ паши:
Англичане тоже помогали.
Но не любятъ бритты пуль и стали,
На войну не прытки торгаши...
Англичане тоже помогали,—
Падокъ лордъ-купецъ на барыши.

4.

Вотъ и три готовы тріолета,
Но споемъ четвертый наконецъ,
А конецъ—во всѣхъ дѣлахъ вѣнецъ,
Хоть и три готовы тріолета:
Пусть подальше спрячутся отъ свѣта,
Вмѣстѣ съ туркомъ, венгръ и лордъ-купецъ!..
Вотъ и три готовы тріолета,
И четвертый спѣлся наконецъ.

5 августа 1877.

Кто съ лопатою или граблями,—
Но изловятъ всѣ письма-вѣсточки!

Доплыветъ поклонъ нашихъ ратниковъ
До ихъ женъ, дѣтей, до родителей;
И поклонится въ поясъ рѣченькамъ
Весь утѣшенный православный людъ.

10 августа 1877.

XXXV.

ТІАРА И САБЛЯ.

„Pollicitus coelum Romnaus et astra sacerdos,
Per scelera et caedeis ad Styga pandit iter!“ *)

Д. Санназаро.

„Sanctus Satana!“ (Слова Лютера о папѣ).

Недавно папѣ поднесли
Въ подарокъ саблю дорогую,
И съ лаской принялъ дань стальную
«Непогрѣшимый» свѣтъ земли.
«Симъ побѣдиши!» начерталъ
На этой саблѣ кто-то рьяно;
«Аминь», въ отвѣтъ ему сказалъ,
Заблудшій узникъ Ватикана.
Что-жь, римскій папа вѣкъ царилъ
Огнемъ и сталью, и желѣзомъ;
На душегубство былъ онъ Крезомъ,
На благодать же—нищимъ былъ.

*) По-русски: „суля небо и звѣзды, римскій первосвященникъ злодѣяніями и убійствами пролагаетъ торную дорогу къ стиксу“, т. е. къ аду. Это ѣдкое двустишіе относится къ папѣ Александру VI (1492†1503), отцу Цезаря и Лукреціи Борджія, и принадлежатъ ихъ современнику, итальянскому поэту и неа-

Онъ Гусса сжегъ, онъ отравлялъ
Въ Христовыхъ тайнахъ кардиналовъ
И на вселенную наслалъ
Іезуитскихъ генераловъ.
Теперь-же... принялъ онъ Коранъ,
«Поцѣловалъ онъ крестъ» султанамъ,—
И шлетъ проклятья христіанамъ
Пособникъ хищныхъ мусульманъ!
А чѣмъ потомъ его дарить?
Венеціанской черной маской,
Чтобъ ликъ апостольскій прикрыть,
Иль кирасирской мѣдной каской?

политанскому дворянину Джіакомо Саппазаро (1458†1530), извѣстному также подъ именемъ „Actii Sinceri Sannazarii", или „Христіанскаго Виргилія". Изъ его латинскихъ трудовъ пользовались особымъ почетомъ стихотворенія: „De partu Virginis" „Salices et lamentatio de morte Christi," „Piscatoria", 3 книги „Элегій," „Эпиграммы" и пр., а изъ итальянскихъ: „Аркадія", „Сонеты" и „Canzoni". Коротенькая эпиграмма Саппазаро въ честь Венеціи доставила ему подарокъ въ 600 золотыхъ экю отъ „владычицы Адріатики".

Приведенное двустишіе („In annum jubileum Alexandri VI Pont. Max.)" встрѣчается почти во всѣхъ изданіяхъ Саппазаро, начиная съ альдинскихъ (1534) и кончая лейденскимъ и амстердамскимъ изданіями (1536, 1605 и 1728 гг.). Но въ венеціанскомъ изданіи 1761-го года эпиграмма на Александра VI пропущена.

Симонія, вѣроломство, убійство и отрава—таковы были, по словамъ самихъ католиковъ, главныя добродѣтели апостольскаго

Вѣдь каска съ саблею къ лицу
Отцу, погрѣбшему тіару;
Да, кстати, храброму бойцу
Ужь не послать-ли и гитару?
Пускай, разбивъ свой ветхій челнъ
«На берегахъ пустынныхъ волнъ»,
Онъ тамъ поетъ романсъ прекрасный:
«Подъ вечеръ осени ненастной!»
Пускай отъ дѣлъ грѣха и ночи,
Свершенныхъ папскою рукой,
Онъ «отвратитъ со страхомъ очи»
И скроетъ ихъ во тьмѣ ночной!

12 августа 1877.

служенія одного изъ непогрѣшимыхъ, увѣковѣченнаго Санназаромъ. Но, по сказаніямъ современниковъ, у папы Александра VI была и еще одна добродѣтель: его слишкомъ близкія отношенія къ дочери Лукреціи.

«Ergo te semper cupiet, Lucretia, Sextus;
O fatum diri nominis: hic pater est!»

въ благородномъ негодованіи восклицаетъ тотъ-же Санназаро въ нѣкоторыхъ и, преимущественно древнѣйшихъ изданіяхъ своихъ эпиграммъ, тщательно сокращенныхъ впослѣдствіи при помощи разныхъ вещественныхъ и невещественныхъ вліяній (см. въ амстердамскомъ изданіи 1728 года эпиграмму „In Lucretiam de Alexandro VI“, стр. 228).—Особенною полнотою отличается амстердамское изданіе Санназаро, вышедшее въ 1689 году.

Сабля, о которой здѣсь говорится, была дѣйствительно поднесена Пію IX офицерами его гвардіи.

«Что-жь, подумай, будетъ съ нами:
Вдругъ васъ разобьютъ?»
—За передними полками
Задніе пойдутъ:

И пойдутъ, пока ихъ силѣ
Есть куда идти
Иль къ величью, иль къ могилѣ
На святомъ пути;

И пойдутъ, пока мы твердо
Вѣримъ въ свой народъ,
И свершатъ свой подвигъ гордо,
И Царьградъ падетъ!..

«Мой голубчикъ, я рѣшила:
Ужь давно, родной,
Я тебя благословила
На кровавый бой.

«Такъ ступай-же съ Богомъ смѣло
Въ путь далекій свой!
Только *чисто* сдѣлай дѣло
И... Господь съ тобой!

«Лишь тогда слезой укора
Этотъ взоръ блеснетъ,
Если сынъ, моя опора,
Ни за что умретъ;

«Лишь тогда бѣда наступитъ
Русскимъ матерямъ,
Если кровь ихъ не искупитъ
Крови, милой намъ.

—За нее на смерть и муки
Я готовъ, клянусь,
И беру себѣ въ поруки
Всю святую Русь!

9 августа 1877.

XXXIV.

ВОДЯНАЯ ПОЧТА. *)

Какъ у города у Саратова
Изъ глубокихъ водъ Волги-матушки
Выплывали вверхъ письма-вѣсточки,
Все солдатскія больше грамотки.

Побѣгомъ-бѣгутъ люди къ берегу,
Ловятъ грамотки за печатями
И читаютъ ихъ, утѣшаются,
Волгѣ-матушкѣ удивляются.

Ахъ, ты гой-еси, наша русская
И поилица, и кормилица,
Послужила-жь ты своимъ дѣтушкамъ,—
Въ почтари для нихъ записалася!

---

*) Просимъ припомнить случай, бывшій прошлымъ лѣтомъ въ Саратовѣ. Кто-то, купаясь въ Волгѣ, нашелъ на днѣ рѣки бумажный свертокъ съ привязаннымъ къ нему камнемъ. По газетнымъ извѣстіямъ, въ сверткѣ оказались письма, посланныя изъ дѣйствующей арміи на родину, но потопленныя лѣнивымъ письмоносцемъ.

Неисправны знать почты разныя,
Что у насъ теперь расплодилися,
И мутятъ тебя ихъ приказные
Безтолковщиной, неурядицей?

Надоѣли знать тебѣ жалобы
Матерей сѣдыхъ, женъ покинутыхъ;
А всего больнѣй, что на почты-то
И расправы нѣтъ челобитчицамъ:

Почта горная въ полевую шлетъ,
Полевая-же шлетъ въ болотную,
А болотная шлетъ въ воздушную,—
Но безъ крыльевъ къ ней нѣтъ и подступа.

Исполать-же вамъ, волны волжскія,
Что за всѣхъ за насъ умудрилися!
Охъ, Дунай, рѣка многоводная,
Принимай-ка ты наши грамотки

И гони водой на святую Русь!
Много быстрыхъ рѣкъ есть на родинѣ:
Лучше всякихъ почтъ и чиновниковъ
Разнесутъ онѣ все по адресамъ.

Побѣгутъ къ рѣкамъ получатели:
Кто съ клюкой придетъ, а кто съ неводомъ,

XXXVI.

ИЗЪ ПРОЩАЛЬНОЙ ПѢСНИ

ФИНСКОМУ ГВАРДЕЙСКОМУ БАТАЛЬОНУ.

(Со шведскаго). *

Впередъ, впередъ, на путь кровавый,
Туда, гдѣ битвъ сверкаетъ пламя!
О, разверни-же, финнъ, со славой
Свое разодранное знамя!

* *
*

И покажи, что ты гордишься
Не красносельской лишь игрою,
Но къ браннымъ подвигамъ стремишься
Своей безтрепетной душою!

* *
*

---

*) Стихотвореніе заимствовано изъ гельсингфорской юмористической газеты „Kurre“ („Бѣлка“), напечатавшей его „въ виду общаго торжественнаго настроенія переживаемыхъ дней“. Лейбъ-гвардіи 3-й, финскій, стрѣлковый батальонъ, который, по словамъ „Финляндской Оффиціальной Газеты“, выступилъ изъ Гельсингфорса на театръ военныхъ дѣйствій 25-го августа, 26-е провелъ въ Петербургѣ, а въ началѣ сентября уже прибылъ въ Унгены, не разъ отличался въ Красномъ Селѣ образцовыми построеніями и стрѣльбою.

Пусть тѣни предковъ безъ укора
На нашихъ воиновъ взираютъ,
И пусть «храбрѣйшими» безъ спора
Насъ въ битвахъ храбрые признаютъ!

* *
*

Блаженъ боецъ дружинъ крестовыхъ,
Когда рука его простерта
На палача дѣтей Христовыхъ:
На турка, оборотня чорта.

* *
*

Такъ докажите-жь, финны, ясно,
Что духъ отцовъ насъ окрыляетъ
И что народъ вашъ не напрасно
Вѣнки побѣды вамъ сплетаетъ!

* *
*

А кто падетъ въ борьбѣ съ ордами,
Подъ частымъ градомъ пуль османскихъ,—
Могилу розами, вѣнками
Засыплютъ руки дѣвъ балканскихъ.

* *
*

Отъ рѣпъ, картофеля и каши,
И отъ сельдей *), по волѣ Неба,'
Спѣшите къ гроздьямъ, братья наши,
Въ отчизну розоваго хлѣба!

*) Въ этихъ стихахъ слышатся звуки шведскихъ и финскихъ пѣсенъ изъ временъ тридцтилѣтней войны, въ которой финны рядомъ со шведами грудью отстаивали Аугсбургскую реформацію.

Но не забудьте, финны, края,
Что васъ взростилъ, гдѣ предки бились
И, кровью храбрыхъ истекая,
Корой древесною кормились!

* *
*

Съ своей пшеничною мукою
Грабитель-турокъ лютъ на муки:
Но тамъ, гдѣ кормитъ рожь съ корою,
Бодрѣе духъ и крѣпче руки.

* *
*

Волною съ тысячи прозрачныхъ
Лѣсныхъ озеръ роднаго края
Стремитесь въ царство пашень злачныхъ
И къ плёсамъ синяго Дуная!

* *
*

Покуда-жь, финны, не забудутъ
Васъ дѣвы родины холодной:
Онѣ у сердца вѣрно будутъ
Носить вашъ образъ благородный.

19 августа 1877.

XXXVII.

ПРЕОБРАЖЕНСКОМУ ПОЛКУ.

(Прощальный привѣтъ).

И ты пошелъ, старѣйшій, именитый
Полкъ-первенецъ великаго Петра,
Сіяньемъ мощныхъ дѣлъ его облитый,
На трудный подвигъ чести и добра.

Иди-жь, и пусть въ скрижаль земли родимой,
Въ скрижаль терпѣнья, крови и борьбы,
Такой войны на смерть, неумолимой,
Уже не впишетъ вновь рука судьбы!

Нашъ бой за братьевъ началъ Царь-Учитель;
Но день мерцалъ еще во мглѣ вѣковъ,
Затѣмъ, что только Царь-Освободитель
Назначенъ былъ сорвать съ него покровъ.

Такъ облегчи-жь, въ лучахъ Петровской славы,
Упорный трудъ родныхъ тебѣ полковъ
И подъ нетлѣннымъ знаменемъ Полтавы
Укрой славянъ отъ рабства и оковъ!

Такъ сокруши жь враговъ и ихъ гордыню,
Нагрянь на нихъ, какъ страшный Божій громъ,
И озари знаменъ своихъ святыню
Любви и правды свѣтлымъ торжествомъ!

Прощай, но твердо помни въ часъ прощальный,
Чего ждетъ Русь отъ всѣхъ своихъ дѣтей,
Москва и Кремль ея многострадальный,
Гдѣ колыбель твоихъ богатырей!

28 августа 1877.

XXXVIII.

ВЪ ТЫЛУ РУССКОЙ АРМІИ.

(картинки изъ недавняго прошлаго и настоящаго).

Слова на „Скорбный Вальсъ“ Беттовена, написанныя по газетнымъ корреспонденціямъ.

«Не тотъ жидъ, кто еврей, но тотъ жидъ, кто жидъ».

Не страшны намъ турки, черкесы, мадьяры,
Не страшенъ напоръ Магометовыхъ силъ:
Мы вѣримъ, остынетъ, подъ наши удары,
Ихъ купленный англійскимъ золотомъ пылъ;
Путь спереди ясенъ,
Но тылъ нашъ опасенъ:
Сомкнемся-жь дружнѣе, заслонимъ свой тылъ!

* * *

Отъ Вислы и Буга до плёсовъ Дуная,
Гдѣ съ Янтрой и Видомъ бесѣдуетъ Прутъ,
Кричатъ страстотерпцы родимаго края:
Насъ грабятъ и рѣжутъ, безъ пламени жгутъ!
Жиды насъ заѣли,
Жиды одолѣли:
Они за копѣйки рубли съ насъ берутъ!»

* * *

Жиды—хлѣбопеки, жиды—маркитанты,
Одежда и обувь—все ставятъ жиды;
Какъ прежде, жирѣютъ одни интенданты,
Какъ прежде, постятся войска до звѣзды;
Но все переносятъ
И хлѣба лишь просятъ...
Охъ, долго-ль съ жидами дожить до бѣды!

* * *

Подводчикъ Варшавскій (такъ вычислилъ «Голосъ»)
Въ два мѣсяца даромъ беретъ милліонъ;
Своимъ кошелькомъ не рискнувъ ни на волосъ,
Въ богатыхъ хоромахъ блаженствуетъ онъ.
Червонцы сбираютъ
И кожу сдираютъ
Съ насъ дѣти Іуды и ихъ легіонъ.

* * *

Подрядчики Грегеръ и Горвицъ съ Коганомъ
На наши полки ополчились втроемъ,
И самъ Новосельскій, въ усердіи рьяномъ,
Спѣшилъ заручиться жидовскимъ умомъ:
Одесскимъ Буддою,
Онъ съ русской душою
Въ Ратгауза вдругъ перешелъ цѣликомъ.

* * *

Жидовскіе подвиги вскорѣ сказались:
То не было хлѣба у нашихъ бойцовъ,
То въ землю консервы гнилья зарывались
Руками усталыхъ отъ битвъ храбрецовъ.
Какія могилы!..
Какія-же силы,
О Русь, у твоихъ безотвѣтныхъ сыновъ!

***

Злой вѣтеръ по всѣмъ перепутьямъ развѣялъ
Гдѣ сѣно, гдѣ рожь, гдѣ овесъ и ячмень;
Лишь тотъ не хваталъ и не жалъ, гдѣ не сѣялъ,
Кому помѣшали безпечность и лѣнь!
Томясь, голодая,
Жидовъ проклиная,
Бродила подъ Шипкою лошадь, какъ тѣнь.

***

Хоть ты-бы помогъ, комитетъ нашъ славянскій:
Чайку и турецкихъ галетъ, что-ли, далъ
Славянскимъ дружинамъ въ землѣ бусурманской
И ихъ табачкомъ иногда угощалъ!
Смягчись, россіяне —
Вѣдь тоже славяне;
Припомни, сервизы ты въ Сербію слалъ!

***

От Плевны и Шипки рядами густыми
На голыхъ телѣгахъ везутъ, какъ телятъ,
Несчастныхъ страдальцевъ... Смерть рѣетъ надъ ними,
И жалобно тусклые взоры глядятъ.
О, Господи Правый,
Воскресни со славой
И снова сойди въ фарисейскій нашъ адъ!

* * *

А дальше?.. И дальше не очень отрадно:
Крушеніемъ поѣзду поѣздъ грозитъ;
Вотъ ѣдутъ уланы, но ѣдутъ не ладно,—
До встрѣчи съ врагомъ ихъ чугунка разитъ!
И гибнутъ уланы,
И въ дальнія страны
Молва о примѣрныхъ чугункахъ летитъ.

* * *

Еще-же подальше, на Волгѣ, «Бориса»
«Кормилецъ» съ усердіемъ топитъ, а самъ,
Какъ чуткая къ стуку казенная крыса,
Сробѣвъ, удираетъ къ уютнымъ мѣстамъ;
И нѣтъ ему горя,
Что въ синее море
Плывутъ его жертвы по волжскимъ волнамъ!

* * *

Въ Полтавѣ-жь, въ Твери, всероссійскія дуры
Конфетами кормятъ турецкихъ звѣрей,
Подносятъ букеты и строятъ имъ куры,
Сидятъ на постеляхъ убійцъ, палачей!
Пикникъ имъ дается,
Шампанское льется...
Пора и завѣсу спустить поскорѣй!

* * *

Но эта завѣса подниметcя снова,
Когда отъ горнилъ задунайскихъ высотъ
Вернемся мы къ миру родимаго крова
И солнце славянской свободы взойдетъ:
Дни правды заблещутъ,
Жиды затрепещутъ,—
И станутъ судить ихъ нашъ Царь и народъ,

26 сентября 1877.

XXXIX.

ЖИДОВСКАЯ САРАНЧА.

Бьютъ болгаръ у турокъ, рѣжутъ, жгутъ толпами,
А у насъ вцѣпились въ нихъ жиды когтями:
Слишкомъ двадцать тысячъ этой рати рыщутъ
Вслѣдъ за нашимъ войскомъ и наживы ищутъ:
Крадутся къ добычѣ, воютъ, какъ шакалы,
Хитрой жидовины алчные кагалы!

*
* *

Это все агенты троицы жидовской,
Ицки все да Шмули шайки молодцовской,
Насланной хозяйской опытной рукою,
Взнузданной хозяйской крѣпкою уздою.
Витязи «гешефта» всюду заглянули,
Гдѣ не стонутъ бомбы и не свищутъ пули.

*
* *

Вотъ, съ осанкой важной гордаго героя,
Тамъ Левитъ какой-то ѣдетъ прямо съ боя
Вновь на бой къ болгарамъ: въ бѣлой жидъ фуражкѣ
И въ пальто военномъ, чуть-ли не при шашкѣ;
Ѣдетъ онъ не просто, но съ казачьей свитой,
Въ русскомъ интендантствѣ на прокатъ добытой.

*
* *

Въѣхалъ онъ въ деревню, держитъ рѣчь къ болгарамъ:
«Слухайте, должны вы отпустить намъ даромъ
Ячменю и сѣна, и пшеницы тоже:
Такъ велитъ начальство и хотятъ вельможи
Грегеръ, Горвицъ, Коганъ, наши все жидочки...
По домамъ! Исполнить мой приказъ до точки!»

*
* *

Сколько-жь за провозъ-то дашь, Левитъ, болгарамъ?
«Пхе, чего такого?.. повезете даромъ!
И съ чужаго хлѣба мы беремъ проценты,
И съ чужой скотины получаемъ ренты.
Ой, гевалтъ, насъ грабятъ!... Мужики вѣдь дики!...
Господа казаки, чи не взять-ли въ пики?»

*
* *

Потерпите, братья, на зарѣ свободы!
Даже Тотъ, Кто небу возвратилъ народы,
Кротко самъ склонился подъ жидовскимъ игомъ;
Но, возставъ со славой, Онъ единымъ мигомъ
Всѣхъ жидовъ развѣялъ по лицу вселенной
И такой печатью заклеймилъ нетлѣнной:

*
* *

«Съ этимъ падшимъ родомъ и рабомъ стяжанья
Вступитъ въ битву племя высшаго призванья;
Побѣдитъ Іуду христіанскимъ духомъ
И наполнитъ землю благовѣстнымъ слухомъ,
Что спасла народы не казна Маммона,
Но любовь святая подъ щитомъ закона!»

1 ноября 1877.

XL.

МАДЬЯРСКІЙ ПОХОДЪ НА РОССІЮ.

Распнемъ Христа за турокъ,
Впередъ, впередъ!
Но Тисса очень юрокъ:
Не йдетъ, не йдетъ.
Ужь струсилъ, можетъ статься,
Нашъ врагъ, нашъ врагъ;
Но въ путь намъ не собраться...
Никакъ, никакъ!

Орда, гонведы наши
Шумятъ, шумятъ;
Но крикнулъ графъ Андраши:
«Назадъ, назадъ!
Размечутъ, какъ мормоновъ,
Нашъ станъ, нашъ станъ,
Семнадцать милліоновъ...
Славянъ, славянъ!»

Поставимъ мы Россію
　　Вверхъ дномъ, вверхъ дномъ:
На бой съ молебномъ Пію
　　Пойдемъ, пойдемъ!
Вотъ скачетъ наша сила,
　　Какъ дроздъ, какъ дроздъ;
Но Вѣна насъ схватила...
　　За хвостъ, за хвостъ!

Напрасно Дизраэли
　　Насъ звалъ, насъ звалъ,
И золото безъ цѣли
　　Швырялъ, швырялъ:
Нашъ Пештъ напохранимый
　　Молчитъ, молчитъ,
А Пій непогрѣшимый...
　　Лежитъ, лежитъ!

И нунцій папскій скрылся,
　　Дрожитъ, дрожитъ,
И Клапка притаился:
　　Юлитъ, юлитъ.
Полиція пугаетъ
　　Нашъ строй, нашъ строй,
И секлеровъ смиряетъ...
　　Тюрьмой, тюрьмой!

И къ рѣчи посполитой
      Злой рокъ, злой рокъ,
Гонитель нашъ сердитый,
      Жестокъ, жестокъ!
Ослѣпнетъ, Владиславы,
      Нашъ родъ, нашъ родъ,
Въ лучахъ славянской славы,
      Какъ кротъ, какъ кротъ!

На зло всѣмъ Казимирамъ
      Валитъ, валитъ
Нашъ врагъ, всѣмъ вражьимъ міромъ,
      За Видъ, за Видъ!
Костями мы не ляжемъ,
      Никакъ, никакъ;
Но издали покажемъ...
      Кулакъ, кулакъ!

Пророкъ, самъ Пій съ тобой!
      Дай намъ, дай намъ
Вписаться всей ордою
      Въ исламъ, въ исламъ!
Эльенъ, мы ненавидимъ
      Славянъ, славянъ,
И съ турками изыдемъ. .
      Въ Туранъ, въ Туранъ!

9-го ноября 1877.

XLI.

ВОПЛИ И ВОЗДЫХАНІЯ

МАДЬЯРСКИХЪ ДОБРОВОЛЬЦЕВЪ ВЪ ПЛЕВНѢ.

Горюшко, плохо намъ: палками, палками
Стали османы насъ бить;
Стали намъ прачки турецкія скалками,
Точно гяурамъ, грозить!

*

Такъ-ли ведутъ себя съ нѣжными братьями,
Венгры-ль гяуры для васъ?
Мы къ вамъ—съ горячей любовью, съ объятьями,
Вы же насъ—въ палки сейчасъ!

*

Вы насъ подъ Плевной, какъ стадо безгласное,
На смерть погнали впередъ:
Такъ и паны свое быдло несчастное
Встарь не гоняли въ походъ!

*

О Провидѣніе, вотъ награжденіе
Намъ отъ родни за любовь:
Брань и побои, нужда и... презрѣніе
Башибузукскихъ бойцовъ!

*

Ѣхали рысью мы къ братцу, намъ милому,—
Онъ же готовилъ намъ гробъ...
Нечего дѣлать, вновь къ стану постылому,
Къ нѣмцамъ поскачемъ въ галопъ!

*

Тамъ намъ житье развеселое, панское,
Сладкій токай, благодать:
Снимемъ доспѣхи и стадо славянское
Будемъ доить мы опять!

12 ноября 1877.

XLII.

КАРСЪ.

Свершилось, пали карскія твердыни!
Ихъ не спасли отъ доблестныхъ полковъ
Ни золото британской благостыни,
Ни рвы и пушки грозныя враговъ.
Предъ мужествомъ поникла оборона;
Какъ встарь, сверкнулъ отцовскій нашъ булатъ,
И безъ чудесъ, безъ «трубъ Іерихона», *)
Но грудью, русской грудью Карсъ былъ взятъ!

*
* *

Зачѣмъ намъ трубы? Русскому народу
Богъ и безъ нихъ довольно мощи далъ,
Чтобъ принести сынамъ креста свободу
И одолѣть стремнины карскихъ скалъ.
А что-же дальше? Или наши силы
Вновь въ третій разъ отъ Карса отойдутъ,
И въ третій разъ родныя намъ могилы
Тамъ попирать османлисы начнутъ?

---

*) „См. телеграмму князя Мещерскаго въ Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (Прим. редакціи „Вечерней Почты“, 1877, № 172).

Мы твердо вѣримъ: нашимъ Карсъ нашъ будетъ,
Подъ нимъ не станетъ литься наша кровь,
И рокотъ пушекъ долго не разбудитъ
Почившихъ въ Карсѣ сѣверныхъ бойцовъ.
Чтобъ сладокъ былъ ихъ тихій сонъ могильный,
Чтобъ не смущать народныхъ нашихъ думъ,
Мы остѣнимъ себя оградой сильной:
Возьмемъ Батумъ и крѣпкій Эрзерумъ!

*
* *

А чтобъ армянамъ не было обиды,
Чтобъ до конца обрадовать армянъ,
Возьмемъ и древній станъ Семирамиды,
Арменіи священный городъ, Ванъ.
Тамъ есть утесъ: для буквъ клинообразныхъ,
Для прославленья Даріевыхъ дѣлъ,
Побѣдъ отца, его походовъ разныхъ,
Утесъ готовилъ Ксерксъ, но не... успѣлъ *).

*
* *

И хорошо! Мы на утесѣ этомъ,
Любовью къ славной родинѣ горя,
Увѣковѣчимъ Русь предъ цѣлымъ свѣтомъ
И трудный подвигъ русскаго Царя!

---

*) См. книгу: „Inscriptiones Palaeo-Persicae Achaemenidarum“ профессора К. Коссовича. Спб., 1872. Стр. 108, 109 и Interpretatio, стр. 100.

Утесъ давнымъ-давно отполированъ,
Съ персидскихъ войнъ ждетъ надписи своей;
Турецкими цѣпями Ванъ окованъ,
Но близокъ день паденія цѣпей!

*
* *

Внизу-жь скалы... Какъ встарь Ахемениды
Подъ лучезарнымъ шествіемъ своимъ
Изображали надписи и виды,
И мы, пожалуй, видъ изобразимъ:
За золотою царской колесницей—
Толпа вождей турецко-курдскихъ ордъ,
А позади... сарептскою вдовицей,
Закрывъ лицо, идетъ извѣстный лордъ!

17 ноября 1877.

XLIII.

ПАДЕНІЕ ПЛЕВНЫ.

Османъ паша—въ плѣну съ ордою,
Покончень плевненскій турниръ;
Мы одолѣли Плевну съ бою,
И рукоплещетъ русскимъ міръ.

*
* *

«Ура» дѣламъ паши Османа!
Онъ насъ не поздно вразумилъ
И на вѣсы судебъ Корана
Не поздно мечъ свой положилъ.

*
* *

Османъ сраженъ. Народъ могучій
Во весь свой ростъ подъ Плевной всталъ
И передъ плевненскою тучей
Свое величіе сознаъ.

*
* *

Онъ помнилъ тамъ еще другое:
Свой славный долгъ, свой бѣдный домъ,
Свое единство вѣковое
Съ своимъ наслѣдственнымъ Вождемъ.

Самъ Царь, въ рядахъ дружинъ народныхъ,
Изнемогавшихъ ободрялъ,
Ихъ утѣшалъ въ трудахъ походныхъ
И ихъ страданьями страдалъ.

***

Извѣдавъ тамъ мірское горе
И тягость царскаго вѣнца,
Нашъ Вождь въ кровавомъ нашемъ спорѣ
Пребудетъ твердымъ до конца.

***

О, гдѣ-жь Онъ глубже и полнѣе
Могъ въ сердце родины взглянуть
И гдѣ Онъ могъ всего вѣрнѣе
Ей начертать дальнѣйшій путь?

***

Пусть видятъ земли, намъ чужія,
Что не ошиблись, какъ и встарь,
Ни ты въ своемъ Царѣ, Россія,
Ни Ты въ своей Россіи, Царь!

6 декабря 1877.

XLIV.

ДВѢНАДЦАТОЕ ДЕКАБРЯ 1877 ГОДА.

„Да встрѣтитъ Онъ обильный честью вѣкъ!
Да славнаго участникъ славный будетъ,
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій: человѣкъ!“

Изъ стиховъ Жуковскаго на рожденіе
Государя Императора.

Была пора, царилъ Благословенный:
Съ нимъ началъ бой на смерть Наполеонъ,
И въ славный годъ двѣнадцатый, священный,
Европы бичъ былъ нами сокрушенъ.

*
* *

Приподнялись на Западѣ народы,
Стряхнувъ ярмо французскихъ грозныхъ силъ,
И благодушно знаменемъ свободы
Царь Александръ спасенныхъ имъ прикрылъ.

* *
*

Не все уноситъ жизнь своей пучиной,
Дѣла добра не гибнутъ безъ наградъ:
Маститый вождь Германіи единой,
Узнавъ о Плевнѣ, плакалъ, говорятъ.

***

Привѣтъ ему отъ русскаго народа,
Поклонъ отъ тѣхъ, въ чьихъ доблестныхъ рядахъ
Стоялъ, во дни тринадцатаго года,
Онъ юношей, съ улыбкой на устахъ!...

Но воцарился Царь-Освободитель:
Оковы рабства дома сокрушилъ,
И вотъ теперь, какъ неподкупный мститель,
За соплеменныхъ мечъ Свой обнажилъ.

***

И знаемъ мы, меча въ ножны не вложитъ
Природный Вождь Россіи и славянъ,
Пока ихъ тяжкихъ узъ не уничтожитъ
И не смиритъ гордыни мусульманъ.

***

Въ другіе дни борьбы, въ былое время,
Страдали дѣды наши за чужихъ;
Уже-ли внукамъ не подъ силу бремя—
Страдать, терпѣть, бороться за своихъ?

О нѣтъ, за нихъ ложится Русь костями,
Но совершитъ исконный свой завѣтъ,
И самъ Господь любви пребудетъ съ нами,
Господь добра, единства и побѣдъ!

*
* *

А Тотъ, Кто твердо шелъ на голосъ вѣка,
Кто чуткимъ сердцемъ зовъ его постигъ,
Кто снялъ клеймо позора съ человѣка,—
Навѣкъ безсмертенъ будетъ и великъ.

*
* *

Онъ родился въ недѣлю всепрощенья, *)
Въ Москвѣ, подъ гулъ ея колоколовъ,—
И пусть-же станетъ день Его рожденья
Пасхальнымъ днемъ славянства и рабовъ!

*) Государь Императоръ родился, какъ извѣстно, въ среду на святой недѣлѣ, которая въ 1818-мъ году началась 14-го апрѣля.

XLV.

НОВОГОДНІЙ ПОКЛОНЪ
ГЕРОЯМЪ ЯНТРЫ.

Русь — въ Софіи. Вновь спустился нашъ орелъ въ долину розъ
И въ когтяхъ своихъ могучихъ громъ и молніи понесъ.
Мы въ горахъ обледенѣлыхъ много храбрыхъ погребли,
Заморозили въ сугробахъ... но Балканы перешли!

—

Съ новымъ годомъ, страстотерпцы васъ пославшей стороны,
Непреклонной русской силы непреклонные сыны!
Самъ Господь всѣ ваши язвы, кровь и доблести сочтетъ
И воротъ царьградскихъ створы передъ вами распахнетъ.

—

Съ новымъ годомъ! Не забудемъ и другихъ богатырей:
Потрудившихся съ войсками Царскихъ ласковыхъ дѣтей;
Скажемъ русское «спасибо», пѣсню славы имъ споемъ
И оцѣнимъ мощь терпѣнья въ ихъ бояхъ подъ Рущукомъ!

—

Самовидецъ дѣла Братьевъ, шлетъ поклонъ имъ нашъ народъ
И вѣнокъ изъ свѣжихъ лавровъ съ благодарностью плететъ
Для того, предъ кѣмъ поникли два вождя магометанъ:
И Мехмедъ-Али лукавый, и упрямый Сулейманъ.

—

Скроменъ подвигъ: онъ не блещетъ яркой радугой побѣдъ,
И «ура» героямъ Янтры не кричали мы во слѣдъ;
Между тѣмъ они съ востока насъ прикрыли, какъ скала,
И гранитная ихъ стойкость насъ подъ Плевною спасла.

—

Мудрый русскій Стражъ на Янтрѣ вѣрный путь себѣ избралъ:
Драгоцѣнной русской крови безъ нужды не проливалъ;
Какъ сокровище, хранилъ онъ цвѣтъ родныхъ ему полковъ
И берегъ онъ, какъ святыню, жизнь ихъ доблестныхъ бойцовъ.

—

Пусть нещадно на погибель слалъ османовъ Сулейманъ
И подъ Шипкой безразсудно лбомъ билъ въ стѣну, какъ баранъ,—
Не увлекшись дымомъ славы, жаждой лавровъ дорогихъ,
Зоркій Стражъ сомкнулъ дружины и сдержалъ гдѣ надо ихъ.

—

Впрочемъ кто-жъ, какъ не Наслѣдникъ русской чести и вѣнца,
Могъ вполнѣ постигнуть слово вѣнценоснаго Отца,
Слово, сказанное Руси изъ Московскаго Кремля?..
Вотъ за то-то Ихъ и славитъ святорусская земля!

1 января 1878.

XLVI.

М. Д. СКОБЕЛЕВЪ.

(Со шведскаго) *).

«Ура, ура, нашъ отецъ идетъ!»
Кричитъ съ восторгомъ дружина;
И мощный кликъ все сильнѣй растетъ,
Дрожитъ отъ клика долина:
Какъ-будто молнія вдругъ съ небесъ
На долъ нежданно упала,
Какъ-будто буря качнула лѣсъ
Иль невскій ледъ разломала.

---

*) Изо всѣхъ нашихъ многочисленныхъ героевъ нынѣшней войны, между которыми въ послѣдніе дни блеснуло яркимъ и вполнѣ заслуженнымъ свѣтомъ имя мужественнаго защитника Шипки, генерала Радецкаго, въ европейской періодической печати особенно посчастливилось Михаилу Дмитріевичу Скобелеву 2. Она хвалитъ его на всѣ лады, причемъ наибольшую долю восторга обнаружили наши добрые сосѣди, шведы и норвежцы, подготовленные къ этому корреспонденціями южно-европейскихъ, русскихъ и финляндскихъ газетъ. Въ гельсингфорской газетѣ „Kurre“ мы недавно встрѣтили загадку, въ которой фа-

Пришелъ онъ, первый въ тиши бесѣдъ
И первый въ битвѣ кровавой,
Покрытый славой своихъ побѣдъ,
Безстрашной стойкости славой.
«Здорово, дѣти! Сегодня въ бой!
Покажемъ русскую силу,
Царя утѣшимъ и край родной,
Лунѣ постелемъ могилу!»

Онъ такъ привѣтилъ лихую рать.
Въ отвѣтъ—вновь клики изъ строя;
Всякъ радъ послѣдній свой грошъ отдать
За каждый волосъ героя!
Изъ храбрыхъ всякъ-бы въ бою прикрылъ
Его отъ смерти собою,
А палъ-бы онъ—гнѣвъ титанскихъ силъ
Потрясъ-бы небо грозою!

милія М. Д. Скобелева разлагается на слоги: Sko (башмакъ, подкова), bel (въ словѣ Belsebul) и ef, начальный звукъ каждой басни (fabel), а цѣлое означаетъ храбрѣйшаго генерала русской арміи. Затѣмъ, въ финской газетѣ „Tamperen Sanomat" („Таммерфорскія Вѣдомости") была помѣщена изъ-подъ Плевны корреспонденція о норвежскихъ дамахъ, которыя изъ Христіаніи обратились къ Скобелеву 2-му съ просьбою прислать туда его фотографическія карточки. Но этимъ не окончилась страстная оцѣнка шведами и норвежцами подвиговъ нашего молодаго генерала. На дняхъ, въ шведской газетѣ „Allehanda för Folket" („Всякая всячина для народа"), выходящей въ г. Эребро, мы

Въ челѣ полковъ, молодой ихъ вождь
Взмахнулъ клинкомъ своимъ яркимъ,
Коня пришпорилъ, но вражій дождь
Вдругъ прыснулъ пламенемъ жаркимъ:
И бѣлый конь, прискакнувъ, упалъ
Въ кровавой, бѣшеной схваткѣ,
И витязь Плевны подъ нимъ лежалъ,—
И нѣтъ клинка въ рукояткѣ!

прочли, подъ ксилографическимъ портретомъ Михаила Дмитріевича, напечатанные здѣсь, въ русскомъ переводѣ, стихи, въ которыхъ прославляются его мужество и отвага въ кровопролитныхъ августовскихъ битвахъ подъ Плевною.

Такъ измѣняются антипатіи и симпатіи народовъ. За четверть столѣтія передъ этимъ появленіе подобныхъ стиховъ въ шведскомъ періодическомъ изданіи, и особенно народномъ, было немыслимо, а за 6 и даже за 5 лѣтъ—очень трудно и почти невозможно.

Кстати о М. Д. Скобелевѣ. Мы слышали отъ нѣкоторыхъ здѣшнихъ книгопродавцевъ, что дешевые оттиски московской яковлевской литографіи: „Скобелевъ 2-й въ битвѣ подъ Плевною, 31-го августа, съ своимъ вѣрнымъ киргизомъ“ на расхватъ раскупаются въ Петербургѣ финнами, которые въ нашихъ книжныхъ лавкахъ требуютъ портретовъ „Кобелева“, опуская, вслѣдствіе фонетическихъ законовъ финскаго языка, начальный согласный звукъ въ фамиліи русскаго генерала. Во многихъ финскихъ хижинахъ еще и теперь заботливо хранятся старинные портреты Кульнева. Вотъ рядомъ съ этими-то портретами финны, вѣроятно, помѣстятъ и изображенія Скобелева 2-го.

По словамъ пріѣзжихъ изъ Гельсингфорса, какой-то догадливый человѣкъ недавно привезъ туда большую партію яков-

Спѣшатъ, бѣгутъ фельдшера въ догонъ,
Бойцы-жь хихикаютъ тихо:
«Отъ вражьихъ пуль заколдованъ онъ,
Чертей и всякаго лиха!»
И правда, Скобелевъ боль забылъ:
Какъ прежде, яснымъ и твердымъ,
Онъ тамъ, гдѣ врагъ его строй разилъ,
Всталъ дубомъ крѣпкимъ и гордымъ!

Извергли турки потокъ огня:
Гремятъ ружье и мортира,
И смерть вѣнчаетъ героевъ дня
Вѣнками вѣчнаго мира...
Остатки-жь храбрыхъ впередъ текутъ,
Какъ въ сталь одѣтая лава,
И первымъ вождь ихъ вошелъ въ редутъ,—
Ему и первая слава!

левскихъ картинокъ и бойко торговалъ ими на праздникахъ. Особенно быстро раскупались картинки съ генералами Скобелевымъ 2-мъ и Гурко. Говорятъ, что за послѣдніе экземпляры такихъ изображеній, стоящихъ здѣсь по нѣскольку копѣекъ, въ Финляндіи платили до 4-хъ марокъ (около 1 р. 50 к.). Много портретовъ Скобелева и Гурко было тамъ подарено молодому поколѣнію на рождественскихъ елкахъ.

И теплый югъ про него поетъ,
И край морозовъ трескучихъ;
Повсюду имя его несетъ
Молва на крыльяхъ могучихъ!
И въ русскихъ избахъ въ вечерній часъ,
Какъ снѣгъ засыплетъ проходы,
Пойдетъ о «бѣломъ вождѣ» разсказъ
Подъ грозный шумъ непогоды.

12 января 1878.

XLVII.

ПѢСНЯ О ПОЛУШУБКАХЪ *).

Страшной смертью ледяной,
ледяной,
Намъ грозятъ Балканы,
И морозятъ русскій строй,
русскій строй,
Горные бураны!
Холодъ лютъ,
Мерзнетъ людъ,
Полушубковъ не везутъ,—
И морозятъ русскій строй,
русскій строй,
Горные бураны!

* *
*

*) Печатая это стихотвореніе, написанное со словъ разныхъ, никѣмъ, къ сожалѣнію, не опровергнутыхъ газетныхъ корреспондентовъ, мы все-таки думаемъ, что въ своихъ сказаніяхъ о полушубкахъ они кое-что преувеличили и кое-чего не выясни-

Полушубки-жь, говорятъ, *)
говорятъ,
Въ Кіевѣ застряли:
Двѣсти тысячъ ихъ лежатъ,
тамъ лежатъ
Мирно, безъ печали.
А въ свой часъ
Ихъ запасъ
Много-бъ русской силы спасъ!
Двѣсти тысячъ ихъ лежатъ,
тамъ лежатъ
Мирно, безъ печали.

* *
*

ли. Если справедливо сообщеніе „Биржевыхъ Вѣдомостей, что транспортъ со 120,000 полушубковъ двинулся изъ Кишинева въ дальнѣйшій путь только около половины января, когда наши войска перевалили за Балканы и приближались къ Адріанополю, то такая медленность движенія можетъ быть вполнѣ объяснена лишь самыми непреодолимыми препятствіями, между которыми первенство вѣроятно принадлежало желѣзно-дорожнымъ порядкамъ нашихъ милыхъ румынскихъ союзниковъ. Полушубковъ недоставало не только въ отрядѣ генерала Гурко, но также и въ войскахъ, направленныхъ на Казанлыкъ, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ обстоятельствѣ телеграмма отъ 7-го января, появившаяся въ „Теймсѣ“ и въ свое время приведенная въ „Голосѣ“ (1877, № 16).

*) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ за 1877 годъ, № 353.

Что за притча? Про морозъ,
про морозъ,
Полушубки сшили,—
Только денегъ за провозъ,
за провозъ,
Отпустить забыли!
И сидятъ,
И строчатъ,
Надъ бумагами корпятъ...
Только денегъ за провозъ,
за провозъ,
Отпустить забыли! [1])

* *
*

Вотъ списались, тьму овчинъ,
тьму овчинъ
Въ Кишиневъ наслали; [2])
Въ Букарештѣ-жь у румынъ,
у румынъ,
Вновь онѣ застряли! [3])

[1]) Тамъ-же (вмѣстѣ съ самыми патетическими восклицаніями и сѣтованіями по этому случаю).

[2]) Кишиневская корреспонденція „Биржевыхъ Вѣдомостей“ отъ 17-го января текущаго года (№ 24).

[3]) „Сѣверный Вѣстникъ“, 1878, № 8 (фельетонъ).

Войско ждетъ,
Но впередъ
Въ путь заоблочный идетъ:
Въ Букарештѣ у румынъ,
у румынъ,
Вновь онѣ застряли!

* *
*

Между тѣмъ чрезъ Букарештъ,
Букарештъ,
Ѣдетъ клади много;
Да и въ Зимницу не въ Пештъ,
вѣдь не въ Пештъ,—
Скатертью дорога!
Лѣта ждутъ
И гніютъ
Полушубки тамъ и тутъ,
Хоть и въ Зимницу не въ Пештъ,
вѣдь не въ Пештъ,—
Скатертью дорога!

* *
*

Нѣтъ, не вѣримъ: шибко лгутъ,
шибко лгутъ,
Какъ подъ часъ поэты,
Съ давней былью ложь плетутъ,
ложь плетутъ,
Русскія газеты.

Нѣтъ и нѣтъ!
Нашъ совѣтъ —
Не морочить сказкой свѣтъ!...
Съ давней былью ложь плетутъ,
ложь плетутъ,
Русскія газеты.
* *
*
Если-жь есть въ ихъ злыхъ словахъ,
злыхъ словахъ,
Искра правды жгучей, —
О, тогда во всѣхъ сердцахъ,
всѣхъ сердцахъ,
Родины могучей
Славный годъ
Встрепенетъ
Снова боль лихихъ заботъ,
Чуть отнывшую въ сердцахъ,
всѣхъ сердцахъ
Родины могучей.
* *
*
Вы-жь, чернильные дѣльцы,
вы, дѣльцы
Прежняго закала,
Либо праздности жрецы
и жрецы
Тучнаго Ваала:

По трудамъ
И дѣламъ
Царь и Русь заплатятъ вамъ,
И чернильные дѣльцы,
и жрецы
Тучнаго Ваала!

***

Иль вамъ мало горькихъ слезъ,
горькихъ слезъ,
Что страданьямъ края
Вождь державный въ даръ принесъ,
въ даръ принесъ,
Съ родиной страдая!
Русскій Царь,
Какъ и встарь,
На святой ея алтарь
Самый цѣнный даръ принесъ,
даръ принесъ,
Съ родиной страдая!

***

Иль хотите показать,
показать
Вы на диво свѣту,
Какъ пріѣдутъ въ нашу рать,
нашу рать,
Полушубки къ лѣту?

Плачъ и смѣхъ,—
Просто грѣхъ!...
Покажите-жь безъ помѣхъ,
Какъ пріѣдутъ въ нашу рать,
нашу рать,
Полушубки къ лѣту!

*
* *

Ты-же, воинъ-гражданинъ,
гражданинъ,
Вынесъ скорбь-кручину
И, оставшись безъ овчинъ,
безъ овчинъ,
Съ турокъ снялъ овчину!
Исполать
Тебѣ, рать,
Что умѣла такъ страдать
И, оставшись безъ овчинъ,
безъ овчинъ,—
Съ турокъ снять овчину!

26 января 1878.

XLVIII.

У ВОРОТЪ ЦАРЯГРАДА.

„Богъ съ нимъ, съ Царьградомъ!“

Обмолвка одной петербургской газеты.

Адріанополь нашъ. Какъ буря рядъ валовъ,
Въ Царьградъ турецкій людъ незримый ангелъ гонитъ:
Моритъ онъ на пути, морозитъ и хоронитъ
Толпы безумныя бездомныхъ бѣглецовъ.

Дрожатъ. Кровавый дождь имъ видится съ небесъ, *)
Имъ всюду слышится гремящій голосъ рока;
Уже не ждутъ они спасенья отъ Пророка,
Да и отъ Англіи не ждутъ они чудесъ!

Кидаютъ бѣглецы своихъ грудныхъ дѣтей,
Любимыхъ женъ, богатствъ награбленныхъ остатки,
И все бѣгутъ, бѣгутъ со страхомъ, безъ оглядки,
Отъ воиновъ Креста, рушителя цѣпей!

---

*) „С.-Петербургскія Вѣдомости,“ 1878, № 25: „выпавшій случайно кровавый дождь произвелъ еще болѣе смущенія въ этомъ народѣ“.

Куда-жь бѣгутъ они? Въ завѣтный нашъ Царьградъ,
Давно обѣщанный судьбой славяно-руссу;
Въ Царьградъ, чтобъ ихъ съ собой въ наслѣдственную
Бруссу
Оттуда взялъ Гамидъ и перевезъ назадъ!

Еще Олегъ прибилъ свой славный щитъ къ стѣнамъ
Царицы Дарданеллъ, вѣнчанной Византіи,—
А вы, ослѣпшіе, оглохшіе витіи,
Кричите вы: «Богъ съ нимъ, Царьградъ не нуженъ
намъ!»

Не нуженъ, правда-ли? О, съ сумрачной тоской
На васъ погибшіе герои наши взглянутъ
И не добромъ, а зломъ потомки васъ помянутъ
За рѣчи праздныя и нѣжности съ Ордой.

Вамъ прозорливости Творецъ не даровалъ,
Вы въ хартію вѣковъ вчитались видно мало:
Судьба не разъ въ Царьградъ намъ двери растворяла,
Но онъ, какъ марево, предъ нами изчезалъ...

«Богъ съ нимъ!» Такъ отдадимъ его Христу опять,
Христу, единому и истинному Богу,
Пойдемъ въ Галлиполи и къ Золотому Рогу,
Софіи возвратимъ и крестъ, и благодать!

Иль думаете вы, что намъ не по плечу
Сѣдою древностью завѣщанное бремя,
И не разсвѣлъ нашъ день, и не настало время
Обнять всю ширь небесъ славянскому лучу?

Что-жь, если и теперь намъ не дается кладъ,
Вокругъ него толпа заморскихъ пугалъ бродитъ,
И насъ на помочахъ еще Европа водитъ,—
Тогда воздержимся и... потечемъ назадъ!

Въ двѣнадцать русскихъ войнъ съ турецкою ордой
Отъ полумѣсяца остались лишь обломки;
Когда-жь устали мы, пусть кладъ возьмутъ потомки
И чары сокрушатъ тринадцатой войной!

Хвала дѣламъ Царя, полкамъ Его сыновъ!
Пусть новымъ яхонтомъ горитъ Его порфира,
Пусть вѣетъ крыльями прекрасный ангелъ мира,
И неповинная не льется больше кровь!

Но все-жь свершится сонъ, пробьетъ желанный часъ,
И кончитъ трудъ вѣковъ нашъ исполинъ державный:
Царьградъ искупленный, свободный, православный,—
Господня заповѣдь и давній долгъ для насъ!

28 января 1878.

XLIX.

ЗАТИШЬЕ.

„Силна се вojска съ висока брега
Ка' облак спушта на сусрет вама;
Бела je войска к'о груда снега,
И ви сте бели, ходите къ нама!"

Съ сербскаго.

Блеснуло солнце, притихли бури,
Замолкнулъ рокотъ борьбы упорной;
Прорѣзавъ небо, струя лазури
Скользнула робко по тучѣ черной.

Послушно стали полки, дружины
Въ едва остывшихъ потокахъ крови;
И дремлютъ горы, поля, долины,
Какъ сладко дремлютъ предъ жатвой нови.

Но плохо вѣримъ мы ихъ дремотѣ,—
Враги славянства хитры и лживы;
Лишь день покою, шесть дней—заботѣ:
Быть можетъ, ждутъ насъ иныя нивы!

На горныхъ высяхъ Балкановъ грозныхъ,
На днѣ обрывовъ, гдѣ камни, рѣки,
Подъ трескъ балканскихъ ночей морозныхъ,
Сыны Россiи легли навѣки;

Легли на ложѣ своемъ суровомъ
Геройской смертью за жизнь Востока
И спятъ, какъ братья, подъ снѣжнымъ кровомъ,
Въ одной могилѣ съ дѣтьми Пророка:

Она, преддверье къ отчизнѣ новой,
Враговъ недавнихъ опять сроднила;
Какъ миртъ смѣняетъ вѣнокъ лавровый,
Такъ распри жизни миритъ могила...

Но, чу, не птицы поютъ надъ нею,
Не вѣтры тихо листву качаютъ:
Сварливой рѣчью, враждой своею
Живые мертвымъ уснуть мѣшаютъ!

Повсюду слышенъ зловѣщій ропотъ
Румынской злобы, славянской розни,
И Биконсфильда съ Андраши шепотъ:
Куютъ намъ ковы и строятъ козни!

Пусть такъ, пусть шепчутъ!.. Но ты, родная,
Смотри на англо-австрійцевъ смѣло;
Вѣнками славы сыновъ вѣнчая,
Со славой кончи святое дѣло!

Не бойся клика враговъ, проклятій,
Не вѣрь ихъ низкой, тлетворной лести,
Но вырви братьевъ изъ ихъ объятій,—
Объятій папско-мадьярской мести!

Не слушай воплей и злыхъ навѣтовъ
Хвастливыхъ лордовъ, враговъ Россіи,
Купцовъ всесвѣтныхъ, Луны клевретовъ,
Но твердо помни слова Мессіи,

Что «пастырь добрый, овецъ отрада,
Готовъ погибнуть за ихъ спасенье;
Лишь трусъ-наемникъ, предатель стада,
Отъ вора-волка бѣжитъ въ смятеньи».

О Русь, ты пастырь славянъ природный!
Твоя въ нихъ сила, за кровь награда;
Когда-жь ты скажешь семьѣ свободной:
«Одинъ вамъ пастырь, одно вы стадо?»

Покуда-жь грозно у волнъ Босфора
Дозоромъ стойте, родныя рати,
И съ Пропонтиды *) изчезнутъ скоро,
Убравшись въ Мальту, народовъ тати!

26 февраля 1878.

---

*) Пропонтида—древнее названіе Мраморнаго моря.

L.

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ИГРА.

(Со шведскаго) [1]).

Въ Берлинъ дипломаты летятъ впопыхахъ:
Слыхали-ль, что шепчутъ кругомъ?
«По козырю спрятано въ ловкихъ рукахъ»...
Но тсъ, потолкуемъ потомъ!

Вотъ Турція бойко игру начала,—
Слыхали-ль, что шепчутъ кругомъ?
Но, ахъ, у несчастной лишь *двойка* была...
Молчокъ, будемъ ахать потомъ!

Изъ Австріи выскочилъ фертомъ *валетъ* [2]):
Слыхали-ль, что шепчутъ кругомъ?
«Увы. у бѣдняжки и *двойки*-то нѣтъ!»
Но тсъ, посмѣемся потомъ!

---

[1]) Изъ 13-го №-ра юмористической стокгольмской газеты „Kasper“ за текущій годъ (18-го марта).

[2]) Нѣмецкіе „кнехты“ и французскіе „валеты“ (varlets)— сперва „слуги и рабы“, а потомъ „ратники“.

Свирѣпость Джонъ-Булль на себя напустилъ:
Слыхали-ль, что шепчутъ кругомъ?
«Надменно взглянулъ онъ и съ *дамы* сходилъ»...
Молчокъ, что-то будетъ потомъ?

Пруссакъ тогда ярый свой «швунгъ» [1]) показалъ:
Слыхали-ль, что шепчутъ кругомъ?
«Недолго въ раздумьи онъ картой махалъ,
И *даму*... покрылъ *королемъ*!»

Россія-же?.. Хвалитъ игрецкій союзъ:
Слыхали-ль что шепчутъ кругомъ?
«Чего ей бояться,—готовъ у ней *тузъ*»...
Молчокъ, мы поздравимъ потомъ!

Она Голіаѳомъ [2]) мытарства пройдетъ:
Слыхали-ль, что шепчутъ кругомъ?
«За нею послѣдній, рѣшительный *ходъ*»...
Но тсъ, мы доскажемъ потомъ!

31 марта 1878.

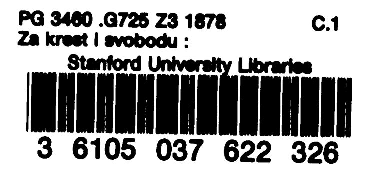
[1]) Въ подлинникѣ—нѣмецкое слово „Schwung", т. е. стремленіе, напоръ, воинственный пылъ.

[2]) Въ шведскомъ текстѣ—„verldens Goliat", Голіаѳъ міра.

Замѣченныя главныя опечатки.

На стр. 126, въ первомъ стихѣ двустишія изъ Д. Санназаро, напечатано: „Romnaus.“ Слѣдуетъ читать: „Romanus.“ — На 3 строкѣ подстрочнаго примѣчанія къ тому-же двустишію, вмѣсто „стиксу“, надо-бы было напечатать: „Стиксу.“

Цѣна 1 р. 25 к.

DATE DUE			

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305

